сб
Б-75

БОЕВЫЕ РЕБЯТА

Вып. 23

Сб
Б75

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИК
ДЛЯ ДЕТЕЙ

★

БОЕВЫЕ РЕБЯТА

Выпуск двадцать третий

Детская Центральная Библиотека
г. Свердловск

Свердловское
Книжное Издательство
1956

Боевые ребята № 23

Редактор *И. Круглик*
Художественный редактор *В. Квитка*
Обложка *В. Бубенщикова*
Технический редактор *Л. Носова*
Корректор *Р. Селянкина*

Подписано к печати 27/II 1956 г. Уч.-изд. л. 5,96. Бумага 70×92/16=3,75 бумажного —8,78 печатного листа. НС00488. Тираж 25000. Заказ 196. Цена 3 р. 40 к.

Типография издательства «Уральский рабочий». Свердловск, ул. имени Ленина, 4

Четырнадцатого июля 1955 года в советских газетах появилось сообщение, которое радостно взволновало всю страну.

Люди подолгу не отходили от газетных витрин, вновь и вновь перечитывая официальное сообщение, и лица их были возбуждены. Слышались короткие многозначительные реплики:

— Четырнадцатого февраля... Есть время подготовиться всем!..

Что же так взволновало советских людей? Какое событие должно было произойти 14 февраля 1956 года?

В этот день в Москве открылся двадцатый съезд Коммунистической партии Советского Союза.

Коммунистическая партия!.. Уже малышом ты ощущал её могучее благотворное влияние на твою жизнь. Заботливая няня склонялась над твоей кроваткой в детских яслях, ты строил хитроумные сооружения из разноцветных кубиков в детском саду или беззаботно играл около сверкающей ёлки в Доме культуры — и, конечно, не задумывался над тем, что всё это тебе подарили Родина, Коммунистическая партия.

У каждого из нас свои радости, большие и малые. Один переехал в новую квартиру, другой вступает в комсомол, третий приобрёл любимую книгу, четвёртого приняли в радиотехниче-

ский кружок районного Дома пионеров... Если вдуматься в эти повседневные, будничные события нашей жизни, нетрудно заметить, что за каждым из них стоят величественные дела Коммунистической партии, её отеческая забота о счастье человека.

Борьба за счастье трудящихся и их детей всегда была и остаётся самым важным, самым главным для нашей партии. Этой борьбе посвящена вся её деятельность.

Сквозь суровые годы подполья и грозы трёх революций, сквозь огневые годы гражданской войны и разрухи партия пронесла незапятнанным победоносное знамя марксизма-ленинизма, и под этим священным знаменем советский народ впервые в истории человечества построил социалистическое общество. Под славным знаменем Коммунистической партии мы победили в Великой Отечественной войне и ныне строим коммунизм.

Грандиозные преобразования свершаются в стране.

До Октябрьской революции наша страна была отсталой, со слабо развитой промышленностью. Теперь это поистине могучая индустриальная держава.

Там, где желтели хилые полоски крестьянской земли, ныне широко раскинулись плодородные колхозные нивы, и в руках крестьян не серп да соха, а умные, совершенные машины. Миллионы гектаров целинной земли, на которой веками росли лишь дикие травы, теперь дают стране хлеб.

Невиданной длины каналы прорезают степи. Вздымаются на реках громадные электростанции. На службу человеку поставлена атомная энергия.

Из руин, оставшихся после войны, поднялись обновлённые города и сёла, и подымаются новые. Вырастают заводы, фабрики, рудники, дворцы, театры, парки...

Всё это делается волей партии, по её указаниям, под её руководством.

А как наша партия заботится о молодом, подрастающем поколении, о твоих товарищах, братьях, сёстрах, о тебе!

Сколько забот требует только обучение ребят! Все советские дети должны получить среднее образование — так решила партия. С этого учебного года всеобщее среднее образование введе-

но уже в 120 городах и посёлках Российской республики. А ведь в них тысячи школ, которые надо было выстроить, благоустроить, оборудовать. Нужно было подготовить десятки тысяч преподавателей. А учебники! Одна только типография «Печатный двор» в Ленинграде в прошлом году выпустила их 17 миллионов экземпляров!

Все свердловские ребята прекрасно знают большой белокаменный дом с колоннами, что стоит на горе недалеко от пруда. Это одно из лучших зданий города. Партия отдала его детям, сказав: «Пусть это будет их, пионерский, дворец». А сколько таких дворцов по всей стране!

Каждое лето миллионы ребят отдыхают в пионерских лагерях и санаториях. В горах Урала и Алтая, в украинских степях и сибирской тайге загораются костры юных туристов. На детских железных дорогах, на станциях юннатов и юнтехников молодое поколение учится трудиться, исследовать, познавать мир.

Всё это делается волей партии, по её указаниям, под её руководством.

Работой партии руководит её Центральный Комитет, но верховным органом является съезд партии. Он созывается раз в четыре года.

Девятнадцатый съезд партии проходил осенью 1952 года. Он наметил величественную программу действий и утвердил директивы по пятому пятилетнему плану развития народного хозяйства Советского Союза. По этому плану, вы знаете, жила и работала вся страна. По этому плану строились новые заводы, фабрики, железные дороги, электростанции. С каждым годом, с каждым месяцем по этому плану увеличивалось производство стали и угля, нефти и машин, велосипедов и шёлка, обуви и масла. По этому плану строились новые жилые дома и школы, дворцы культуры и санатории.

Под руководством Коммунистической партии страна успешно выполнила план, намеченный девятнадцатым съездом.

А дальше? Что будет делать наш народ дальше, что и где создавать, строить, каков план шестой пятилетки?

Эти вопросы решил двадцатый съезд партии, который состоялся в Москве.

Съезд заслушал отчётный доклад Центрального Комитета партии, который был сделан Первым секретарём ЦК КПСС Никитой Сергеевичем Хрущёвым. С докладом о шестом пятилетнем плане выступил Председатель Совета Министров СССР Николай Александрович Булганин. Съезд принял Директивы по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства страны.

Грандиозный план, намеченный съездом партии, направлен на дальнейшее улучшение жизни всего советского народа. Выполнение этого плана ещё больше приблизит нашу страну к коммунизму. А что план этот будет нашим народом выполнен и, возможно, перевыполнен — верной порукой тому является мудрое руководство Коммунистической партии.

О САМОМ ДОРОГОМ

Л. Сорокин *Рисунки Б. Неткачева*

Отцы собрались за столом,
Седые и моложе,
Заговорили о былом
И о грядущем тоже.

Не слышно выкриков ребят.
Затихнув без приказа,
Сидят ребята
И молчат
И слушают рассказы.

Но вот за тонкою стеной
Вдруг радио запело
О нашей партии родной,
Вперёд
идущей
смело!

Как шла она
На смертный бой
За счастье поколений,

Как указал ей
путь прямой
Рукой
Великий Ленин!

Она — в полях,
Она — в цехах.
Сильней всегда с ней будешь:
Она,
живя в людских сердцах,
Жить помогает людям.

Лишь наступила тишина,
Один сказал:
— Поверьте,
В голодный, страшный год она
Меня спасла от смерти!
Мне помогла своей рукой,
Когда её я встретил!
— И мне! —
тогда сказал второй.
— И мне! —
воскликнул третий.

Отцы взглянули на ребят:
— Ну, что ж, расскажем,— говорят.
И первым
стройный генерал
В тот день ребятам
рассказал:

1

Мальчишка был не старше вас,
Но редко был весёлым:
У богача
коров он пас,
Хотя хотелось в школу.

Семья имела восемь ртов
И ни куска землицы.
Вот почему он пас коров
И не ходил учиться.

Однажды,
Словно в страшном сне,
Помещик с диким взглядом
Примчал на взмыленном коне,
А на дороге —
стадо!

Он дальше двигаться не мог.
Со злобою открытой
Одним ударом
сбил он с ног
Мальчишку
Под копыта.

Но к стаду,
Вставшему в лесу,
Два конных в гимнастёрках,
Держа винтовки на весу,
Скакали вниз с пригорка.

— Спасибо, парень, задержал!
Хотел уйти помещик.
Видать, забыл,
что нам не сдал
По списочку все вещи!

Да не страшись его.
Народ
Хозяином стал всюду.
Вся власть в России перейдёт
Теперь к простому люду.

Так говорил солдат простой
(Вся в дырках гимнастёрка!),

А за помещиком
другой
Следил всё время зорко.

— Отцу мы сможем
отвести
Кормилицы-землицы,
А ты бросай,
сынок,
пасти,
Иди, сынок, учиться!

Погладил жёсткою рукой
И встать с земли помог.
— А кто ты, дядя?
Кто такой?
— Я — коммунист, сынок...

* * *

Сидят ребята
И молчат.
И нет внимательней
Ребят.

Заговорил второй отец,
Завода крупного кузнец:

2

Малец
Ходил
Босым
В мороз.
И звался:
— Беспризорный!
Он влез в окно
Под стук колёс,
Глазастый и проворный.

Мать умерла.
Погиб отец!
А голод —
он не тётка.
И пел мальчишка,
как слепец,
И отбивал чечётку.

Но кто
В голодный год его
Кормить
За это
Будет?
Ведь у людей
Нет ничего!
Мешочники ж —
Не люди!

Но по вагону
Шёл боец
В чекистской
Скромной
Форме:
— А ну, давай слезай, малец!
Сейчас тебя накормим!
Тебя ж разыскивает мать!
— Нет у него мамаши!
— А как же партию назвать,
Родную неньку нашу?!

* * *

Сидят ребята
И молчат,
И нет внимательней
Ребят!

Но начал
Свой рассказ

Другой,
Строитель очень молодой:

3

Вприпрыжку
Мальчик пробежал
По площади Героев,
Туда,
Где встал
Вдали квартал
Лесами
Новостроек.

Возводит фабрики страна,
Возводит Уралмаши,
Но позабыть на миг она
Не может
смены нашей.

Вот классы сделались тесны
Для школы номер восемь.
Другое здание должны
Дать школе в эту осень.

Его у берега реки
Под небеса возводят.
И каждый день ученики
Сюда смотреть приходят:
— Построят к осени
иль нет?

Мужчина в кепке дал ответ:
— Коль надо,
Будем мы для вас
Работать по три смены.
Вы в сентябре в свой новый класс
Войдёте непременно.

Со стройки, может быть, другой
Пришлю сюда рабочих!
— А кто ты, дядя? Кто такой?
— Я — коммунист, сыночек!

* * *

Сидят
Ребята
И молчат
И за рассказчиком
Следят.

Но вот
Заговорил другой,
Совсем не старый,
Но седой:

4

Квартал
Пылал,
Пылал
Квартал,
И рушились дома.
А мать покинула подвал,
Во тьме сойдя с ума.
А на руках у ней лежал
Мальчонка лет шести.
Огонь трещал,
Квартал пылал,
От смерти не уйти!

Свой танк
Фашистский молодец
На женщину погнал.
Тогда с гранатами боец
Из-за укрытья
Встал!

Он сделал
Несколько шагов.
Упал.
И снова встал.
Косились стены у домов,
Квартал пылал,
Пылал квартал.

Вовек бойцу тому не встать,
Но танку не пройти.
И к нам в окоп
Свалилась мать
С мальчонкой лет шести.

Майор натруженной рукой
Мальчонке встать помог,
И произнёс:
— Спаситель твой
Был коммунист, сынок.

* * *

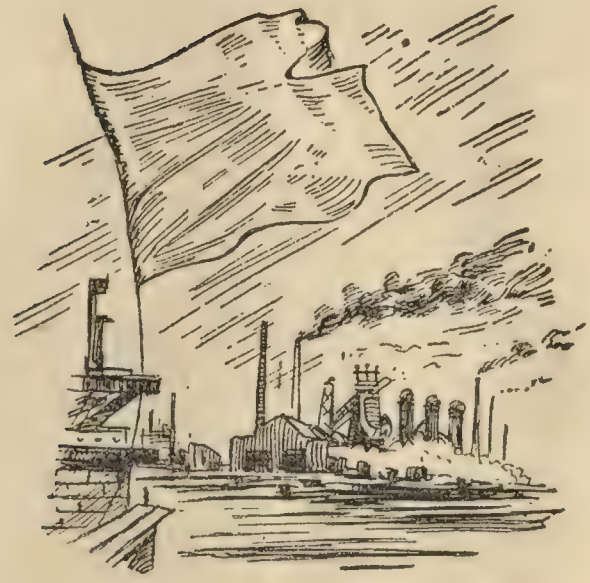
А сколько есть отцов других!
Их сосчитать нельзя!
Вот столько, видимо, таких
И случаев, друзья!

Сидят
Ребята
И молчат,
И лишь сердца у них
Стучат.
И каждый думает о том:
Промчится время быстро!
Он, повзрослев, придёт в райком:
— Примите в коммунисты!

Молчат
Родители ребят.

И лишь сердца у них
Стучат.
— Пусть сын растёт, душою чист!
Не будет счастья выше,
Чем от него «Я коммунист!»
В конце концов услышать.

А над Уралом,
Над страной
Вдаль песня полетела
О нашей партии родной,
Вперёд
идущей
смело!



Скульптура

Ол. Коряков *Рисунки В. Бубенщикова*

В том уголке вестибюля Дворца пионеров, что был потемнее, сидела группа ребят. Это были члены кружка художественной лепки. Они пришли заниматься, а Сергей Иванович, руководитель кружка, задержался. Был день Советской Армии, и воспитанники одного детского дома попросили его обязательно прийти: они хотели послушать рассказ Героя Советского Союза о боях с фашистами.

Ребята сидели в вестибюле и болтали. Можно бы пойти по домам, но Сёмка Трошин, вихрастый конопатый паренёк, рассказывал потешную историю о том, как он учился варить кашу... А кто же уйдёт домой, если Сёмка начинает рассказывать?!

Правда, даже у взрослых не бывает так, чтобы один всё говорил да говорил, а остальные бы только молчали. Тем более не бывает так у ребят, особенно, если среди них ёрзает от нетерпения такой непоседа, как Ванчик Холкин. И, конечно, не успел

Сёмка сказать последнюю фразу о том, как все морщились, когда ели его первую кашу, Ванчик выпалил:

— Это что! Вот я тоже кашу однажды... Знаете, мне отец что про кашу рассказывал? Вот на фронте...

Тут заговорили все, потому что тогда — это было в 1946 году — про фронт рассказывали все. И как-то постепенно разговор сам собой подошёл к тому, что вот в мае будет первая годовщина со дня Победы, и вдруг Маша Вичкина вскочила и чуть не закричала:

— Ой, девочки! Как же это мы не подумали? А? Ведь годовщина же! Верно? Ой, да ведь мы обязательно должны что-нибудь слепить. Такое, ну, особенное, чтобы — к годовщине...

Хотя Маша выражалась не совсем ясно, все сразу поняли её мысль, и эта мысль понравилась — слепить что-нибудь в честь годовщины со дня Победы.

— Такое,— сказал Дима Крутых, самый старший и самый способный в кружке,— чтобы кто ни посмотрит — сразу понял: это — сама Победа!

— Ой, девочки! Ой, как хорошо будет! А?

— Вот я, знаете, что предлагаю? — Ванчик Холкин, проникнувшись ответственностью момента, сделался чрезвычайно серьёзным и пучил глаза.— Вот отец рассказывал... Надо вылепить артиллериста. Артиллерия, знаете, бог войны!

— Никаких богов! Основной род войск — пехота. Вот слушайте.— И все повернулись к Сёмке Трошину.— Надо лепить так. Солдат. Здоровенный такой. Сильный. Пехотинец. Он весь подался вперёд. Как в атаке. В руках автомат. Шинель порвана, он ранен, а на лице такое... ну, торжественное, что ли. Как у победителя. И весь такой... как будто движется вперёд. Вот это будет символ!

— А я... Ой, Сёма, ты извини, я перебила, да? Но я бы вылепила лётчика. Гастелло. А?

— А можно Матросова. Как он телом закрывает амбразуру.

— А вот ещё...

— Стойте! — Сёма повелительно взмахнул рукой.— Идея! Надо не пехотинца. Надо — танк. Советский танк. И танкиста. Вот это символ!

— Это, конечно, правильно,— тихо сказала Клава Карусельникова, самая робкая в кружке девочка, и потому, что она говорила тихо, её все стали слушать.— И пехотинец правильно, и танк, и лётчик. Только надо выбрать самое, самое главное. Такое, без чего нельзя было победить. Я не знаю, может, я неверно говорю, только я бы вылепила нашего уральского сталевара. Ведь без стали ни пехотинец, ни танкист, ни...

— А хлеб? — не утерпел Ванчик.— Тогда надо лепить колхозника.

— А, может, целую группу?

— Нет, надо артиллериста!

— Танк!

— Матросова!

Все загалдели, вскочили, сбились в кучу, стали размахивать руками.

Так, спорящими, и застал их Сергей Иванович.

— Гей, гвардия моя, вы что расшумелись? Кого атакуете?.. Ванчик — за ключом! Дима... А где Дима?.. Ты почему откололся?

Тут все заметили, что Дима Крутых примостился в сторонке, у паровой батарей, и взгляд у него какой-то сумрачный и напряжённый.

— Я, Сергей Иванович, думаю. Тут Машутка одну штуку предложила...

— Думать будем вместе.

Ребята начали рассказывать руководителю о своей затее, снова зашумели, раскричались, заспорили. А Сергей Иванович слушал, с улыбкой поглядывал то на одного, то на другого.

— Ну, хватит галдеть,— сказал он наконец.— Понятно. Затею вашу полностью поддерживаю. И обещаю помочь. Ясно?

— Вот... нет, Сергей Иванович, не ясно. Вот мы ведь поспорили: кого лепить. Сёма говорит: танкиста, я говорю: артиллериста, Маша...

— Это всё я слышал. Все предложения хорошие. Правда, самого хорошего ещё не было, но я уверен,— появится... А сделаем мы так. Объявим конкурс. Каждый лепит то, что хочет. Согласны?..

Так начался этот конкурс.

...А закончился он вот как.

Тёплым майским утром несли кружковцы в студию свои скульптуры. Установив их там, они выходили к Сергею Ивановичу, который сидел на скамеечке с директором Дворца и профессором искусствоведения, старичком в белой рубахе с засученными рукавами.

Уже все собрались, не хватало только Димы Крутых, Сёмки Трошина да Клавы Карусельниковой. Они работали вместе, тройкой, про них говорили, будто они лепят то, о чём Клава сказала: «Надо самое, самое главное».

Вдруг раздался крик, из Дворца выскочила Маша Вичкина, за ней Холкин, и оба помчались к кружковцам. На бегу Маша кричала:

— Ой, девочки, ой, как это я не догадалась? Если бы вы посмотрели... Ой, как замечательно!

А Ванчик, подлетев к товарищам, забормотал:

— Вот ведь думал я... И отец говорил... А вот побоялся: не суметь...

— Да что там такое?

Старичок профессор быстренько нацепил на нос пенсне и с интересом поднял голову.

— Там Дима с Клавой и Сёмка...

— Ну и что?

— Ну и вот... Они свою скульптуру принесли... Ну, вот мы и говорим...

Профессор снял пенсне и насупился: ничего нельзя понять из этого лепета. Сергей Иванович встал и улыбнулся: он, видно, что-то знал.

— Идёмте,— сказал он профессору и взял его под руку.

...Это было прекрасное зрелище — скульптуры, расставленные в студии.

Вот, зажимая раненый бок, над окопом с гранатой в руке поднялся пулям и огню навстречу песенный русский матрос... Вздыбился могучий танк... Сталевар сквозь очки внимательно всматривается в бушующую в мартене огненную сталь... Матросов бросил своё тело на амбразуру фашистского дота... Девушка-санитар ползёт к истекающему кровью бойцу...

Великие герои Великой Отечественной войны!

А на возвышении, что у окна, на самом светлом в студии месте, Дима, Клава и Сёмка любовно оглядывали скульптуру, которая так взволновала Машу и Ванчика.

Все посмотрели туда и увидели: в тесно сомкнутых рядах шагают люди. Их много, и все они разные — в лихо сдвинутой набок пилотке солдат, похожий на Василия Тёркина, пожилой и хмурый усатый доменщик, улыбчивая деваха-колхозница, суровая, измождённая женщина в шали, надвинутой на глаза, тучный генерал с сабельным шрамом на щеке, какой-то старик... Их много, этих разных людей, но, в едином порыве устремлённые вперёд, они кажутся спаянными во что-то нерасторжимое, неделимое. Идущие впереди высоко подняли большое знамя, ветер треплет и рвёт его, оно пробито пулями, но люди крепко держат древко, и алый стяг раскинулся призывно и гордо, и горит, сверкает на нём чёткое слово: «Партия»...

СТРАНИЦЫ ГЕРОИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Кл. Рождественская *Рисунок И. Артемьева*

В декабре 1955 года исполнилось 50 лет со времени первой русской революции. Полвека назад по всей стране российский пролетариат, а вместе с ним и крестьяне, под руководством партии большевиков поднялись против угнетателей — царя, капиталистов, помещиков. Забастовки и вооруженные восстания вспыхнули в десятках городов, заволновались сотни деревень по всей России. На Урале высшей точкой революции 1905 года было восстание в рабочей слободе Мотовилихе близ Перми (ныне гор. Молотов). О событиях тех дней рассказывает уральская писательница Кл. Рождественская в книжке «Страницы героической борьбы», вышедшей в Свердловском книжном издательстве. Мы печатаем отрывок из книжки.

В городе Молотове есть невысокая и по виду ничем не примечательная гора, имя которой неразрывно связано с историей рабочего движения на Урале. Это гора Вышка.

При взгляде на Вышку невольно пробуждаются воспоминания о революционных событиях 1905 года в Мотовилихе. И это понятно.

Ведь на Вышке в 1905 году чаще всего собирались рабочие сходки. На Вышке произошла кровавая расправа 10 июля. На ней именно, как на самой высокой точке селения, впервые открыто взвился 18 октября красный флаг. У её подножия 13 декабря собрались молодые дружинники с ружьями за плечами и, построившись в небольшие отряды, смело вступили в неравный бой с воинской силой самодержавия.

Вышка — немой свидетель героической борьбы мотовилихинских рабочих за свободу, за справедливый порядок.

В начале XX века рабочий класс России стал подыматься на борьбу против царизма. Целый ряд забастовок, крестьянские волнения прокатились по всей стране.

В разгорающуюся революционную борьбу вовлекался и Урал. Условия труда уральских рабочих были ещё тяжелее, чем в других районах. До чудовищных размеров дошла эксплуатация, заработная плата едва обеспечивала полуголодное существование.

...Пермская организация большевиков до лета 1905 года размножала политическую литературу с помощью гектографа. Полицейские при обысках в квартирах рабочих обнаруживали пузырьки с чернилами, следы гектографической массы в кастрюлях, губки, кипы нарезанной бумаги. Приготовлять гектографическую массу и печатать умели многие из мотовилихинцев.

Однако этот способ печатания мало удовлетворял руководителей революционного движения. Они мечтали об устройстве своей типографии, способной размножить нужную литературу не в десятках экземпляров, как на гектографе, а в сотнях.

Весной 1905 года комитет поручил Михаилу Туркину достать ручной печатный станок. Для этого надо было съездить в Стряпунинскую волость, где жил старый мотовилихинский рабочий, знакомый с типографской техникой, и заказать ему станок.

Замысел не удался. У старика не оказалось под рукой ни материала, ни необходимых деталей.

— И рад бы помочь, да вот, видишь, как я живу,— сказал старик.— Но ты не унывай. Я тебе расскажу, что и как надо сделать, а ты уж там, у себя, спланируй. Любой слесарь изготовит.

И он дал Туркину набросок типографского станка со всеми показателями размеров.

В Мотовилихе Туркин быстро нашёл необходимые материалы и надёжных слесарей, товарищей по цеху. Слесаря в короткий срок сделали печатный станок. Это, действительно, была несложная техника. К чугунной толстой плите прикреплялась рама из квадратного железа с винтами по бокам для зажима набора. Вторая рама делалась откидной, на шарнирах, с полотняным верхом. Кроме того, нужны были два валика: один—для нанесения на шрифт краски и другой, обтянутый холстом,— для наката.

К маю типографский станок был готов. Теперь оставалось приобрести шрифт, разный типографский материал: верстатки, линейки и прочее. На это нужно было уже более длительное время — собирать постепенно, по крошкам, по крупинкам и с великими предосторожностями.

Туркин запрятал станок не у себя на квартире, а в чуланчике у жильцов, проживающих в другой половине дома.

Как-то Туркин со своим бывшим учителем городского училища шёл из Мотовилихи в Пермь. Увлёкшись разговором, Туркин не сразу заметил, что от станции, показавшейся впереди, отделились и пошли им навстречу два жандарма. С безразличными лицами жандармы неторопливо миновали их, а через секунду руки Туркина и учителя внезапно были скручены назад.

При личном обыске у Туркина не нашли ничего, кроме запачканного гектографической краской платка. В полицейском участке беспокоила одна мысль: «Неужели найдут станок? Правда, он у соседей, но чем чёрт не шутит — возьмут да и перероют и там всё».

На другой день пришёл на свидание брат и дал понять, что обыск прошёл благополучно: станка не нашли. Радости Туркина не было предела. Теперь он мог спокойно идти в тюрьму. Раз «техника» цела, она будет действовать и без него. Жаль, конечно, что не он снимет первый отпечатанный лист.

Туркин сидел в губернской тюрьме вместе с большевиком Александром Борчаниновым. Коротая длинные тюремные дни в чтении книг, игре в шахматы и разговорах на политические темы, Туркин не переставал думать о судьбе начатого им дела.

Однажды один из его друзей, придя на свидание, сказал:

— Девочка наша здорова, растёт быстро и, наверное, скоро побежит ножками.

Туркин понял, что речь идёт о печатном станке.

Шёл июль. В Мотовилихе вспыхнула вторая забастовка. Кто-то при свидании заметил между прочим, что первый «блин» уже готов. Вся камера ликовала при этом известии. Ведь это значило, что «девочка настолько подросла, что стала печь блины».

— Попробовать бы нам этот блинок,— смеясь, говорили заключённые.

Ждать пришлось недолго. В один солнечный день Туркин и Борчанинов расхаживали по двору тюрьмы. Неожиданно к ногам их из-за стены прилетела огромная кость. Надзиратель хмуро покосился, но кость не поднял. Он подумал, что это обыкновенное мальчишечье озорство. Ребята частенько перекидывали через ограду камни, палки.

Но Туркин и Борчанинов сразу смекнули, что тут кроется что-то более серьёзное. Выждав момент, когда надзиратель смотрел в другую сторону, Туркин быстро подобрал кость и сунул её за пазуху бушлата. В камере, к общему удовольствию всех заключённых, он вытащил из кости печатную прокламацию. «Техника» Пермского комитета начала работать.

Жандармы об этом событии узнали довольно скоро, но обнаружить типографию не могли...

Волнения в стране усиливались. До мотовилихинских рабочих тем или иным путём доходили известия о разгорающемся революционном движении. На тайных сходках, в рабочих кружках агитаторы рассказывали о вооружённых столкновениях в Варшаве, Одессе, Риге, об уличных баррикадных боях в Лодзи, о грандиозной стачке в Иваново-Вознесенске.

В начале октября в Мотовилиху пришло сообщение о забастовке, начавшейся на Московско-Казанской железной дороге. А вскоре прилетела огненная весть: забастовали все железные

дороги страны. Россия охвачена революционным пламенем. Пролетариат могучей рукой остановил всю промышленную, торговую и государственную жизнь страны.

В Перми первыми забастовали телеграфисты, затем служащие железной дороги. 12 октября перед отходом почтового поезда со станции Пермь (ныне Пермь 1-я) рабочие отцепили паровоз и выпустили из него пары.

Через полчаса на станции действовали казаки и жандармы. Но им не удалось отправить поезд. Со станции ушли все рабочие: стрелочники, смазчики, сторожа. Непривычная тишина воцарилась на вокзале и на путях.

В этот день прекратилось движение между Тюменью и Екатеринбургом. К забастовке железнодорожников присоединились рабочие Нижнего Тагила, промышленные предприятия Екатеринбурга и Пермские железнодорожные мастерские, с которыми мотовилихинские рабочие поддерживали самые тесные отношения.

Губернатор тотчас издал приказ: всякие скопления людей на улицах и площадях «разгонять во что бы то ни стало, употребляя для того без всякого стеснения оружие, как холодное, так и огнестрельное».

...Наступал декабрь 1905 года. Первого числа рабочие Добрянского завода, объявив забастовку, разогнали администрацию и полицию. В течение пяти дней они были хозяевами завода. Начались волнения среди рабочих Гороблагодатского округа. В разных концах страны разгоралась революционная борьба. С оружием в руках поднимался против самодержавия трудовой народ. Усилилось брожение в армии и флоте. Расправлял могучие плечи героический пролетариат Москвы.

Восьмого декабря в Мотовилиху пришла весть:

«В Москве объявлена всеобщая политическая забастовка. Остановились все железные дороги».

В этот день к всероссийской железнодорожной забастовке присоединились железнодорожники Перми, Екатеринбурга, Тагила, Камышлова.

Наутро девятого в Мотовилихе, как всегда, проревел гудок. Рабочие пришли на завод, но никто не встал за станок. Состоялся короткий митинг. Затем в семь с половиной часов потухло

электричество, тотчас прерывисто загудел тревожный гудок, и народ с пением «Марсельезы» повалил к выходу. Началась забастовка, четвёртая в этом году.

Из рук в руки передавались листовки с призывом готовиться к вооружённому восстанию. Вечером в заводском театре была сходка. На улицах впервые открыто зашагали группы вооружённых рабочих. Они называли себя «милицией», поставленной Советом для охраны порядка в селении вместо бездействующей полиции. На самом деле это были боевые дружины.

Рабочая масса, руководимая большевиками, требовала немедленных действий. Промедление волновало людей.

Накануне один из рабочих снарядного цеха получил от сына, только что приехавшего в Москву, условную телеграмму, из которой можно было понять, что Москва захвачена восставшими.

Телеграмма, с которой рабочий прибежал на митинг, взволновала всех революционно настроенных рабочих. «Что же мы, мотовилихинцы, медлим, раздумываем, когда там, в Москве, рабочие ведут решающий бой за свободу!»

На митинге решено было с завтрашнего же дня начать вооружённое восстание.

Члены Мотовилихинского Совета рабочих депутатов, взявшие на себя руководство вооружённым восстанием, собрались поздно ночью 12 декабря в доме Якова Кузнецова. И здесь за столом разработали план будущего сражения. Они наметили, куда ставить засады, как действовать, кто какой группой будет руководить. Немало времени отняло распределение оружия. Его едва хватало на всех. К тому же оно было разнокалиберное и очень несовершенное: револьверы разных систем, преимущественно «смиты», дробовые одноствольные ружья. У одного лишь была двустволка.

Желая усилить боевое действие своего оружия, дружинники иногда закладывали в патроны не одни круглые небольшие пульки, а окружали их дробью, предварительно залив стеарином. Так было, например, в десятке Андрея Юрша.

Днём боевые дружины были уже на своих местах. Кроме этой организованной части пролетариата, в боях участвовало немало молодых и старых рабочих.

На подавление восстания в Мотовилихе была брошена сотня конных казаков и две роты солдат. Все они были вооружены винтовками.

Несмотря на численное и военно-техническое превосходство неприятеля, дружинники отважно вступили с ним в бой. Они первые открывали огонь. В засадах сражались лучшие сыны Мотовилихи, и за исходом схваток весь трудовой люд следил с огромным трепетом и волнением. Боевые дружины теснейшими узами были связаны с народом. Когда началась стрельба, к дружинникам подбегали люди разных возрастов, требовали оружия и, не получив его, принимались строить баррикады.

Покидая засады, дружинники в подавляющем большинстве благополучно ускользали от преследователей, потому что перед каждым смельчаком распахивались двери любого дома, и каждый спешил укрыть боевика или перевязать ему раны.

Но силы были слишком неравны.

В этих уличных горячих схватках с воинской силой самодержавия выдвигались десятки неведомых героев, получивших первое боевое крещение.

Рассеяв народ на территории завода, казаки ускакали в Пермь. Их срочно вызвали туда. К концу дня стрельба в Мотовилихе прекратилась. Патрули солдат и полиции стали обходить селение. Особенно тщательному осмотру подверглись заводские здания...

Вооружённое восстание в Москве, как и в других городах, было жестоко подавлено царизмом. Но уроки первой русской революции 1905—1907 гг. не пропали даром. Они глубоко посеяли в народе революционные семена, подготовили ряды бойцов, которые повели непримиримую борьбу против царизма и капитализма.

Через двенадцать лет, в 1917 году, рабочий класс под руководством Коммунистической партии сверг царизм и начал строить новое социалистическое общество.

...Прошло ровно пятьдесят лет со времени первой народной революции. В Мотовилихе, районе города Молотова, живы некоторые участники декабрьского вооружённого восстания,

сохранился дом, где был штаб боевых дружин. Он стоит у подножия Вышки.

Когда смотришь на Вышку со стороны пруда, то кажется, что она подобна узкому острому гребню. В действительности гора эта настолько широка, что на её каменном теле просторно разместилось не меньше пяти длиннейших улиц, пересечённых множеством переулков.

Мы идём по Калгановской улице. Здесь жил Александр Петрович Калганов, участник декабрьских боёв в Мотовилихе, начальник штаба Первого северного летучего отряда, погибший в боях с колчаковцами.

Анна Тихоновна, его жена, стоит на крыльце, обыкновенная, как будто бабушка, маленькая, худенькая, в синем платочке, в синем фланелевом платье. И мало кто знает, что она, подобно прославленной Горьким матери — Ниловне, отдала всю свою неистощимую страсть революции, народу.

Мой спутник, старый большевик Иван Васильевич Зенков, с задумчивым видом шагает по дороге. Разговор с Анной Тихоновной Калгановой пробудил в нём разные воспоминания. Вместе с её мужем был он в ссылке и вместе с ним, вступив добровольцем в красногвардейский отряд, сражался на Восточном фронте.

Дома, около которых сражались храбрые дружинники Якова Кузнецова, стоят и поныне. Темнеет пологий склон Висима, и по деревянной лестнице (не по той ли самой?) поднимаются люди в гору.

Из-за поворота выходит трамвай. Знает ли стоящая на остановке рабочая молодёжь, что пятьдесят лет назад их отцы и деды не смели даже и мечтать о том, чтобы трамвай соединил Мотовилиху с городом? Четыре километра они обычно отмахивали пешком по железнодорожным путям. Через Горки редко кто отваживался идти, такая там была невообразимая грязь, даже летом.

Нам ехать туда, на Горки, где живёт сверстник Ивана Васильевича — старый большевик Ваганов.

На Горках в послевоенные годы возникли новые улицы с каменными многоэтажными домами. Ещё недавно тут был пустырь, голое поле. Перед Домом техники поставлен памятник

изобретателю электрической сварки Н. Г. Славянову, учеником которого был Лука Борчанинов. Мотовилиха всё более и более срастается с городом. В одном из этих новых многоэтажных корпусов и живёт Николай Дементьевич Ваганов.

Ваганов моложе Зенкова. Ему под семьдесят. Лицо гладкое, без морщин. Ходит легко, не сутулится. Только белая голова да белая щетинка усов выдают его возраст.

— Я как почувствую, что стал нагуливать жирок, беру ружьё и — в лес. Для меня и сейчас ничего не значит отмахать двадцать-тридцать вёрст. Прошлым летом с Марией Степановной по малину ходили. Ребят не взяли, одни пошли. Далеконько забрались. Ничего, пришагали обратно.

Мария Степановна, маленькая, худенькая, с ясными живыми глазами, вступает в разговор:

— Вот Камское море поднимут ещё выше, зальёт наши ягодные места. Да хотя об этом нечего страдать. Из наших лесов хоть возами малину вези...

В кухне хлопочет жена старшего сына — молодая, миловидная. Оба сына тут же. Младший, в футболке — широкоплечий, тёмноволосый. Старший худощав, невысокого роста, с серьёзным, задумчивым лицом. Они только что пришли с работы. Пятилетняя внучка жмётся к руке Николая Дементьевича. Он ласково поглаживает её по льняным волосам.

— Вот уж и третье поколение начинает заявлять о себе,— говорит Иван Васильевич, и добрая улыбка трогает его твёрдое мужественное лицо.— Для них мы завоевали это счастье. И тогда, в пятом году, верили, что доживём до этой жизни.

Над книгой Гайдара

И. Беляев

Рисунок Е. Гилёвой

Читая Гайдара книжку
Вечером вслух втроём,
Вдруг размечтались мальчишки
О будущем, о своём.

Мечтали, спорили много
И вновь принимались мечтать:
Им, каждому, в жизни дорогу
В тот вечер хотелось избрать.

В одном согласились без спора:
Став взрослыми, Родине в дар
Построить прекрасный город
И дать ему имя — Гайдар.

С портрета в открытой книжке
Гайдар улыбнулся в ответ:
«Мои дорогие мальчишки,
Для вас невозможного нет!»

Гришкино учение

(Из прошлого)

И. Иванов *Рисунки П. Никулина*

Ненастная осень. Небо заволокло свинцовыми тучами, которые ползут и ползут откуда-то без конца, едва не задевая крыши. Мелкий дождь то перестанет на время, то снова примется поливать землю, как будто его просеивают сквозь решето.

Гришка с грустью смотрит в окно на раскисшую землю, на лужи, по которым от ветра пробегает рябь, и думает о том, что скоро наступит зима, начнутся морозы и длинные, длинные вечера.

Гришке уже пятнадцать лет, и он отлично понимает, как приходится изворачиваться матери, чтобы прокормить на заработок отца большую семью. А тут ещё беда: стоит только проглядеть — отец пропьёт получку.

Как бы хотел Гришка помочь матери! Но чем? Летом он кое-что зарабатывал на подёнщине у помещика, тогда и для подростков находилась работа. А вот зимой...

Размышления Гришки прервал друг его, Ванька Попов, такой же парень-горемыка, тоже скучавший по работе. Вбежав в дом, Ванька ещё с порога закричал:

— Гришка, знаешь, что я придумал?

— Что? — обернулся Гришка.

— Пойдём к хозяину проситься на работу?

— Да разве он примет?

— А может, и примет. Мне папка сказал, что может принять. Ведь мы не в настоящие рабочие, а чтобы учиться. Ты в столярку, а я в слесарку.

Ребята долго совещались.

А на следующий день рано утром Гришка и Ванька стояли на кухне в доме «хозяина» Чердынцева и терпеливо ждали, когда он изволит встать, позавтракать и выйти (если, конечно, пожелает) на кухню к просителям. Доложить о них обещала одна из служанок.

По кухне распространялись такие запахи жареного и пареного, что у ребят щекотало в носу, и они глотали слюни. Через открытую дверь был виден ряд комнат богатого дома помещика.

— Эх, Гришка, хоть бы разок побывать нам там,—вздохнув, шепнул Ванька, глазами показывая на комнаты.

— Молчи,— нахмурился Гришка. Он боялся, что вот-вот кто-нибудь выгонит их отсюда. На кухню и то уж заходила какая-то толстая старуха и, покосившись на ребят, спросила:

— Они зачем тут торчат?

— К Константину Алексеевичу пришли,— объяснила служанка и, заметив, как старуха подозрительно смотрит на ребят, сказала: — Они хорошие, худого не сделают.

— Хорошие. Стянут вот что-нибудь,—проворчала старуха и ушла в комнаты.

У Гришки от обиды сжалось сердце.

А Ванька, как гусь, вытягивал шею и всё заглядывал в комнаты.

— В пол-то, наверное, глядеться можно, вон как блестит, что зеркало.

— Молчи, говорю,— Гришка ткнул Ваньку в бок.

Ванька обиделся.

— Ну чего ты? И сказать нельзя.

— «Сказать нельзя»,— передразнил Гришка.— Дадут вот по шеям, доглядишься.

Этот маленький спор отвлёк их внимание, и они не заметили, как на кухню вышел «сам».

— Чего вам? — раздалось над их головами. Чердынцев стоял рядом, подкручивая чёрные усики.

Ребята вздрогнули и, разинув рты, вскинули на Чердынцева глаза. По уговору говорить должен был Ванька, но, испугавшись, он забыл приготовленные для этого слова и, хлопая глазами, молчал. К счастью, Гришка не растерялся (ведь они вместе заучивали эти слова) и скороговоркой выпалил:

— Константин Алексеич, примите нас на работу, меня в столярку, а его в слесарку.

— На работу? А вы что, мастера? — с усмешкой спросил Чердынцев, окидывая взглядом щуплых и оборванных ребят.

— Нет, какие мастера. Да мы ведь чтобы учиться.

— Ах, учиться! Это другое дело. А чьи вы?

Ребята сказали, кто их отцы, Чердынцев обоих хорошо знал, они много лет работали у него и были известными мастерами.

— Что ж, это, пожалуй, можно,— немного подумав, сказал Чердынцев.— А ну-ка, подождите.

Он ушёл к себе и вскоре вернулся с бумажкой в руках.

— Вот, передайте это разрядчику Егору Васильевичу Пименову. Знаете его?

— Знаем, знаем,— в один голос сказали ребята и, вылетев из дома, будто на крыльях, со всех ног бросились искать Пименова.

Рабочий день на заводе начинался в шесть часов утра.

Гришка быстро привык вставать рано и, наскоро поев чего-нибудь, бежал в столярку. Но бывали дни, когда утрами ему так хотелось спать!

Вот и сейчас он никак не может открыть глаз, хотя чувствует, что давно надо бы подняться с постели.

— Гришка, вставай, говорю!— уже третий раз принималась будить его мать.— Гудок вот-вот будет. Опоздаешь опять. Он те, Тарасов-то...

Упоминание о Тарасове действует на Гришку, как холодная вода. Он живо просыпается, сползает с полатей, плещет в лицо из умывальника, съедает кусок хлеба в прикуску с солёными огурцами, заправленными луком, и бежит в столярку.

До столярки с версту. На улице морозно, темно и пустынно. В домах едва мерцают огоньки. За ночь выпал новый снег, местами намело сугробы. Со стороны огромного пруда, по набережной которого бежит Гришка, дует холодный ветер, бьёт в лицо сухим и колючим снегом. Ёжась от мороза и кутаясь в старенький рваный полушубок, Гришка думает: «неужели опоздаю?»

Обязанностью Гришки было приходить в столярку раньше, чтобы до прихода мастеров подмести мастерскую, принести воды, затопить печь. Он подчинялся мастеру Андрею Тарасову. А о Тарасове ничего хорошего не скажешь. Злой человек. Всех, кто ниже его стоял или не приходился роднёй, он всячески старался уязвить, обидеть. Гришка уже не раз получал от Тарасова щелчки. А щелчки Тарасова особенные. Пальцы у него, как чугунные, с толстыми ногтями, такими пальцами хоть гвозди вбивай.

...Тарасов только что зажёг керосиновую лампу «молния» и обернулся на скрип двери. Гришка остановился у порога.

— Ты, Савоська (он всегда так звал Гришку), почему опоздал? — строго спросил Тарасов.

— Проспал, дядя Андрей,— шмыгнув носом, сказал Гришка и приврал: — Мать не разбудила.

Он взялся за метлу, а Тарасов подошёл к нему.

— Проспал?

Словно клещами, Тарасов старательно ухватил вместе с волосами шапку и потянул её с Гришкиной головы. Гришка качнулся и сморщился от боли, почувствовав, как с корнем выдираются волосы с его макушки.

— Проспал? — повторил Тарасов.— А ты не просыпай, не просыпай,— раздельно, по слогам и с каким-то упоением произ-

нёс мастер, сопровождая свои слова щелчками, от которых на лбу у Гришки сразу вскочил волдырь.

Гришка схватился за лоб, а Тарасов, нахлобучив ему на голову шапку, ухватил уже было ухо, намереваясь, повидимому,

проделать ещё любимую «операцию» — выверт уха, но в это время открылась дверь и в столярку вошёл мастер Ступишин.

Чуть задержавшись у двери и сразу заметив слёзы на глазах Гришки, он обратился к Тарасову:

— Что это, опять ваше «учение»?

Тарасов промолчал. Ступишин покачал головой и тоже не сказал больше ни слова. Оба они, обменявшись недружелюбными взглядами, разошлись по своим местам.

Гришка, глотая слёзы, молча делал своё дело.

Среди зимы в столярку был принят новый ученик — племянник Тарасова Мишка, парень лет шестнадцати, самохвал, озорник и грубиян.

Пользуясь родством и покровительством Тарасова, Мишка с первого дня занял в столярке особое положение и держал себя со всеми грубо и даже вызывающе. Однажды Ступишин заставил его крутить колесо ручного токарного станка. С первых же поворотов колеса Мишка почувствовал, какая это тяжёлая работа.

— На кой мне леший сдалось такое дело,— заявил он, выпуская рукоятку и отходя от колеса.

— Вот как! — сказал Ступишин, впрочем без особенного удивления.— Неужели не нравится?

— Что я, лошадь, что ли, такие колёса крутить! Меня учиться сюда приняли.

— Ах, вон что! Ну-ну, что же, валяй, парень, учись.— Ступишин с усмешкой посмотрел на Мишку.

Колесо, как всегда, пришлось крутить Гришке. Он ни от какого дела не умел, да и не любил отказываться.

А делал Гришка уже многое. Ремесло давалось ему.

Старик Вахонин, наблюдая, как работает Гришка, говорил:

— Эх, парень, доучиться бы тебе дал бог, мастером ты будешь. Цепко ты за нашу работу хватаешься, и сноровка у тебя правильная.

Только Тарасов относился к Гришке с прежним презрением и не упускал случая, чтобы придраться к чему-нибудь да поучить по-своему.

Вскоре после Нового года отец Гришки взял расчёт, и вся семья уехала искать лучшей доли в другое место. Гришка остался на заводе один и перешёл жить в казарму.

Казарма состояла из двух половин. В одной из них, меньшей, выдавались наряды на подённые работы, и она называлась «разрядной». Вторая половина была общежитием.

Посреди общежития стояли в два ряда нары с соломенными тюфяками. Мешочные наволочки тюфяков никогда не стирались, люди спали на них, не раздеваясь и не разуваясь. Спёртый, удушливый воздух был таким тяжёлым, что надо было

только удивляться, как люди не задыхались тут. Бревёнчатые стены были черны от копоти и пыли. С потолка и из углов свисала паутина. Клопы, блохи в нарах и матрацах кишели, как муравьи в муравейнике, а мухи роями носились по всему помещению. Тусклые, закоптелые стёкла в рамах едва пропускали свет.

Выдача получки на заводе производилась еженедельно по пятницам. В казарме начиналось пьянство, картёжная игра. Пьяные песни, ругань, нередко драки, не утихали вплоть до понедельника. К этому дню от получки у многих ничего не оставалось, и люди с мрачными, злыми лицами снова шли на работу.

Но ещё тошнее в казарме среди недели.

Однообразен и скучен длинный зимний вечер. Керосиновая лампа, подвешенная к потолку, едва освещает помещение. Давящая, напряжённая тишина. То с одних нар, то с других слышатся тяжёлые вздохи.

Сторож казармы Митрофан Облепихин, маленький старичок с лысой головой и белой бородкой клинышком, ласковый и жалостливый ко всем, стоит, прислонившись к стене, и смотрит кругом глазами печальника.

«Эх, и прискучило же всем, и прискучило!.. Грусть-тоска одолела людей, прищемила сердце каждому»,— думает он и пальцем манит к себе Гришку:

— Споём-ка, парень, расшевелим народ, а? Уж больно тяжко человеческим душам.

Гришка — песенная душа, он сызмала песни любил, знал их много. Пел он хорошо, с чувством и одинаково охотно, что в горе, что в радости.

— Какую споём, дедушка?

— Давай какая позаливистее,— сказал Митрофан и тут же завёл:

Вниз по матушке, по Волге...

Будто прорвало нудную тишину общежития, всколыхнул её звонкий тенорок Митрофана. Подхватил песню густой и сильный альт Гришки. И полилась она, зазвенела весёлая, раздольная русская песня, заволновались волны реки-матушки, зашумели, запенились.

Ничего в волнах не видно

выводил Митрофан на высоких нотах,

...да не видно —

вторил Гришка.

одна лодочка черне-ет...

Звонко и согласно переливались голоса певцов, то опускались вниз, то вдруг взмывали вверх. И по мере того, как разливалась песня, словно оживали люди. Прояснялись лица, на некоторых появлялись улыбки. А когда певцы, кончив песню, завели припев:

Эх, Настасья, эх, Настасья...—

сорвался с нар один из мужиков, притопнул лаптями и с гиком, лихо пустился в пляс.

Давно и припев уже кончился, а мужик всё ещё отхватывал присядку, теперь уже под собственный припев:

Эх, лапти мои,
лапти лыковые,
Не жалей, мужик, подмёток,
они липовые...

Тяжело жилось Гришке. Как ни привык он с детства к полуголодной жизни, а другой раз всё же кишки сводило от голода так, что хоть волком вой. Мать с трудом, раз в неделю, привозила сама или посылала с кем-нибудь ведро картошки, каравай хлеба да какой-нибудь крупы каши на две-три. Иногда давала и денег, но не больше пятака.

За работу Гришке ничего не платили. Ни целая сотня табуреток, которую он уже сделал, ни фигурная заготовка, которую он выпиливал для новых палисадников помещичьей усадьбы, ни всякая другая работа в счёт не шли и в заслугу ему не ставились. Мог бы Гришка кое-что прирабатывать, как это практиковали некоторые мастера, делая из отходов вещи мелкого домашнего обихода, спрос на которые был, но он не смел без спроса заниматься этим, а просить разрешения у Тарасова боялся.

Видя, как бедствует и голодает Гришка, Ступишин как-то сказал разрядчику Пименову:

— Егор Васильевич, работает у нас Гришка хорошо, толковый парень и исполнительный. Нельзя ли немного помочь ему, хоть бы полтину на неделю? Обносился он весь и голодает.

— Ещё чего,— обрезал Пименов.— За то, что учится, платить ему? Да где это видано?

Помолчав немного, сказал:

— Вот котлы чистить пусть идёт, дам наряд.

На винокуренном заводе было шесть паровых котлов. Их периодически очищали от накипи, для чего обыкновенно привлекали крепких подростков.

Гришка рад был случаю хоть немного заработать. Получив наряд, он побежал на завод, где уже собралось пять таких же подростков.

— Ты к нам, Гришка?

— Ага, к вам.

Вооружившись стальными скребками, ребята полезли в ещё не остывшие как следует котлы и, обжигаясь о горячие стенки, принялись за работу.

Подстилая под себя штаны и рубахи, ребята чистили верхнюю часть котла, лёжа на спине, нижнюю — стоя на коленях. Работа была исключительно тяжёлой, а выполнить её следовало срочно.

За сутки котлы были очищены только начерно. После этого их надо было зачистить так, чтобы стенки блестели.

Лишь после полутора суток беспрерывной и изнурительной работы котлы были вычищены и приняты механиком. Ребята получили за это по рублю.

На другой день Гришка заболел. Он метался на нарах в сильном жару и всё время бредил. Митрофан ухаживал за ним, прикладывал к его голове мокрую тряпку, поил водой. Дважды заказывали фельдшеру Сухареву, чтобы он пришёл к больному, но фельдшер не спешил.

В бреду Гришка вскакивал на нарах, невидящими глазами смотрел куда-то и, протягивая руки, кричал:

— Мама! Мама! Ну, иди сюда, мама, чего ты стоишь там? Ну иди же, иди...

Митрофан подходил, трогал рукой Гришкину голову, укладывал обратно на нары и говорил:

— Никого тут нет, певунок мой, никого.— И качал головой.— Эх ты, горе какое!

Гришка только на время затихал и снова начинал бредить.

— Ты смотри, мама, смотри, что я выпиливаю. Красиво, правда? Вот бы такую ограду на могилку братику Коле. Хорошо бы, а? Мама, да куда ты опять ушла? Мама!..

Только на третий день, как всегда пьяненький, фельдшер Сухарев пришёл, наконец, в казарму.

— Ой, мамоньки, и вонь же тут у вас! — шарахнулся он у порога общежития.— Как вы тут только живёте?

— Вонь, говорите, господин хороший? — прищурив глаза, переспросил Митрофан.— С чего бы, ровно, ей тут быть, вони-то?

Наскоро пощупав пульс больного, Сухарев «определил» наличие у Гришки воспаления лёгких и ушёл, наказав прийти к нему за порошками.

К вечеру этого же дня, когда Гришке стало ещё хуже, приехала мать. Она забрала Гришку с собой и отвезла в сельскую больницу. Здесь оказалось, что у Гришки скарлатина.

Болезнь с осложнениями продолжалась больше трёх месяцев. Несколько раз жизнь Гришки едва теплилась. Но как ни тяжела была болезнь, Гришка выжил. К концу болезни он был похож на скелет, обтянутый кожей.

Был уже конец июня, когда Гришка выписался из больницы. В тот же день, ещё не окрепнув как следует, он побежал на завод.

— Гришка! — обрадовался Ванька Попов, увидев друга.— Ой, и долго же ты хворал, Гришка! А как похудел!

В измазанном фартуке и сам весь измазанный маслом и сажей, Ванька имел вид настоящего молодого мастерового. На верхней губе у него уже пробивался пушок. Он тискал Гришку и говорил:

— Эх, Гришка, зачем ты захворал тогда? Знаешь, тут к пасхе награду выдавали, я три рубля получил. И тебе бы тоже дали, даже поминали тебя.

Гришка вздохнул.

— А Мишке Тарасову тоже дали?

— Мишке? А как же! Ему даже пять рублей дали. Ох, уж он, гадюка, и задавался на пасхе, так нос задирал! Ну я его за это и отдубасил!

— Ну?! — восхищённо произнёс Гришка.— А он на тебя не пожаловался?

— Посмел бы! Я ему сказал, что если он только пикнет — утоплю в пруду. Ей-богу, так и сказал. А он ведь трус, и здорово боится меня.

— Вот это ладно,— одобрительно сказал Гришка.— Молодец ты за это, право. Мне бы тоже надо ему всыпать.

— И всыплем,— с готовностью сказал Ванька, даже не спросив, за что.— Ему стоит всыпать, двое-то мы его так раскасим, что долго помнить будет. Ты ещё не знаешь, что ему жалованье дают?

— Жалованье?

— Да. После пасхи по шесть рублей в месяц платить стали.

— Вот это здорово,— покачал головой Гришка.— А тебе ещё ничего не платят?

— Ну-у, где тут,— печально махнул рукой Ванька.— Разве, говорят, через год только. А ведь я, Гришка, многому научился. Знаешь, у нас тут какой мастер есть, Сапожников! Всё, что угодно, сделает. Я с ним и работаю. Он недавно тут у нас. И где только он не бывал! А рассказывать станет — заслушаешься.

Гришка переночевал у Ваньки, а на следующий день пошёл в столярку.

Оказалось, что Ступишин недавно по заданию хозяина уехал куда-то месяца на три. В столярке командовал Тарасов. На месте Гришкиного верстака стоял верстак Мишки. С папироской в зубах Мишка сидел на нём и, болтая ногами, за что-то высмеивал старика Вахонина. Увидав Гришку, он воскликнул:

— О, Савоська! Ты жив? А я думал, что ты ноги протянул, хотел крест тебе делать.

— Хотел, да не сумел, наверно,— мрачно сказал Гришка.

— Ну, ты не больно-то,— осекся Мишка,— святые мощи на костылях! — Потом ядовито добавил: — Вышвырнули тебя отсюда, как ошмёток.

Гришке стало нестерпимо больно, сердце его словно сжал кто-то тисками. Он скрипнул зубами и рванулся к Мишке, но Мишка отскочил в сторону и заорал:

— Дядя Андрей, Гришка дерётся!

Тарасов подскочил к Гришке.

— Ты чего тут? Зачем пришёл, шкелет паршивый?

И протянул было руку, чтобы схватить Гришку за шиворот, но тут же отдёрнул её и даже отступил. Гришка стоял с перекошенным от злобы лицом, и глаза его горели. В правой руке он угрожающе держал большое стальное шило, которое схватил с верстака Мишки.

Тарасов опешил и стоял с выпученными глазами. Наконец он закричал:

— Пошёл отсюда, собака!

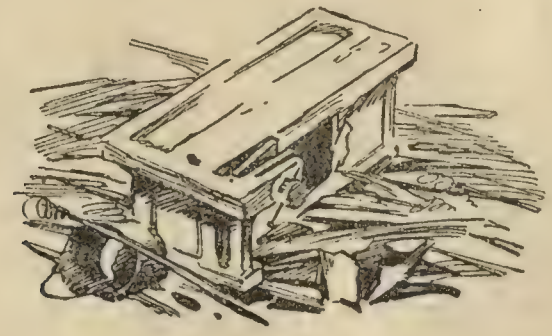
— Ладно, не лайся, уйду,— сказал Гришка.— Только инструмент мой отдайте. Где мой инструмент, который я сам сделал? — спросил он Мишку.

— А я почём знаю,— ответил Мишка.

— Не знаешь?! — Гришка раскрыл свой шкафчик, который висел теперь над верстаком Мишки.— А это что? Вот мой фуганок, вот рубанок. А вон правилка, угольник и рейсмус.

Тарасов не посмел остановить Гришку, и он, выложив из шкафа весь свой инструмент, забрал его и вышел из столярки.

Так кончилось Гришкино ученье.



ВОЛК

Г. Шумилов *Рисунки Ю. Сердюкова*

Шёл 1930 год. Уральская деревня бурлила, как горная река в весеннее половодье. И хотя на дворе стояли январские злые морозы, для трудового крестьянства эти дни были началом весны новой жизни: всюду создавались колхозы, кулацкие гнёзда выкорчёвывались, кулаков выселяли, а их земли, скот и сельскохозяйственные орудия передавались колхозам.

Вот в такое-то горячее время меня, партийного пропагандиста, послали на работу в одно небольшое село Верхнекамья.

Только я успел приехать и остановиться у одного крестьянина-бедняка, как разразилась сильная вьюга. Санная дорога и все тропки на единственной улице села, вытянувшегося по берегу небольшой речки, были завалены сугробами снега. Ни проехать, ни пройти.

На третьи сутки вьюга, наконец, утихла, наступил ясный зимний вечер. Вызвездило.

Мы с хозяином Михаилом Федуловичем и его четырнадцатилетним сыном Стёпой только что поужинали и теперь сумерничали, пристроившись около жарко топившейся железной печки. Отблески огня падали сквозь решётку печной дверцы на бревенчатую стену избы и бегали по ней, словно маленькие рыжие зверьки. Тихо. Потрескивание дров в печке не нарушало тишину, а, наоборот, делало её какой-то особенно отчётливой и ощутимой.

Сегодня нам пришлось здорово поработать: большими деревянными лопатами отбросать снег от ворот, засыпанных почти доверху, и прогрести широкую полосу до самой дороги.

С непривычки у меня понывала спина, болели мускулы рук. Тепло от печки приятно охватывало всё тело. Клонило ко сну.

Но вот с улицы, сквозь обледеневшие окна, проник какой-то неясный звук, он мне показался повизгиванием несмазанных дверных петель. Мы с Михаилом Федуловичем не обратили на него никакого внимания. Стёпа же встрепенулся, подался к окну, прислушался ещё раз к повторившемуся звуку и воскликнул: — «Да ведь это наш Борька визжит!» — соскочил со скамейки, на ходу сорвал с вешалки полушубок и шапку, толкнул ногой дверь и выбежал на двор. Мы бросились за ним и все трое оказались за воротами.

Холодный, бледный свет луны заливал пустынную улицу, покрытую голубоватым, чистым снегом. С полквартала от нас на дороге мы увидели волка, тащившего на спине поросёнка. Поросёнок отчаянно верещал на всю улицу, бился, стараясь вырваться.

Борька, единственное богатство семьи, был уже довольно солидным поросёнком, и такая ноша была тяжела для волка, сопротивление поросёнка затрудняло ему бег.

Мы с криком бросились вслед за волком. Поросёнок продолжал визжать, биться и, наконец, сорвался с волчьей спины. Но волк, крепко вцепившийся в его загривок, не сдался. Он вытянулся, почти касаясь животом дороги, с силой мотнул головой, снова забросил поросёнка себе на спину и побежал дальше по дороге.

Неистовый поросячий визг и наши крики всполошили всю улицу: заливисто лаяли собаки, из домов выскакивали люди, кто-то бежал навстречу волку с другого конца села. Увидев, что путь отрезан, волк свернул с дороги на целину, но, увязнув в рыхлом, глубоком снегу, бросил, наконец, свою жертву и крупными прыжками пустился через огороды наутёк. Вслед ему раздался чей-то выстрел, но стрелок промахнулся, и волк, завернув за баньку, стоявшую по середине огорода, ушёл в лес.

А насмерть перепуганный поросёнок выбрался из снега и бросился в ближайший двор. Забежав в открытую калитку, он штопором ввинтился в кучу свежего навоза, лежавшего у конюшни. Из кучи виднелся лишь поросячий хвост-крючок, который безостановочно крутился, да слышно было глухое похрюкивание.

Прибежавший на двор Стёпа вытащил поросёнка из навоза, принёс домой, промыл ему рану тёплой водой и уложил в угол избы на половик. Поросёнок ещё долго повизгивал от боли, а потом заснул.

Мы тоже стали укладываться.

— Интересно, Михаил Федулович,— спросил я, обращаясь к хозяину,— почему волк не перегрыз горло поросёнку, оставил его живым, зарезанного-то и тащить легче и шуму никакого не было бы?

— Кто его знает,— ответил он,— может, волк-то ещё молоденький, неопытный, или же просто не изловчился сразу поросёнка за горло схватить, торопился. А что они свою добычу режут и забрасывают на спину, чтобы способнее было тащить, так это обычное дело, уж такой у волков навык.

— Слушай, тятя,— проговорил Стёпа, выставляя голову с полатей,— ведь дверь-то в конюшню я сам колом припирал, как же волк её открыл?

— А очень просто, волк-то не глупый, взял да лбом и оттолкнул твой кол. Вперёд будешь осторожней, замок повесишь.

На другой день Стёпа встал ещё затемно, принёс со двора расколотый чугунок, вооружился молотком и зазубренным старым долотом и начал разламывать дно чугунка на небольшие кусочки.

— Что это ты, Степан, делаешь? — спросил я.

— Дробь,— ответил мальчик.— Свинцовой-то дроби у нас днём с огнём не сыщешь, вот я и нарублю чугунной, да покрупнее, вроде картечи. Собираюсь сегодня пойти с берданкой в лес, может, разыщу этого бандита-волка. Как ты, тятя, а?

— Ну что же, сходи, ты уже большой, только не горячись, да очень далеко не забирайся, дни-то короткие, затемнеешь.

— Ладно,— ответил Стёпа.

Закончив приготовление дроби, он зарядил несколько патронов, потом принёс со двора лыжи, осмотрел их, поправил крепления, смазал и поставил в угол.

Позавтракали горячей картошкой с солёными груздями и отправились каждый по своим делам: мы с Михаилом Федуловичем в сельсовет, а Стёпа, закинув за плечо берданку, вышел на огороды, легко нашёл след волка и двинулся по нему скорым, накатистым шагом. След вывел на опушку хвойного леса и повёл вглубь его.

Обо всём, что случилось дальше, Стёпа рассказал нам на другой день, в сельсовете.

...Вскоре он оказался среди больших торжественно шумящих елей, ветви которых были отягощены снегом. Иногда крупные хлопья снега срывались с чуть качающихся верхушек деревьев и падали, издавая мягкий, приглушенный звук: пуф, пуф.

След волка петлял между деревьями. Стёпа упорно шёл

по нему, углубляясь всё дальше и дальше в лес. Но вот волк, видимо, остановился у большой ели, обошёл её кругом и присел, отдыхая.

«Ну, что же, и мы отдохнём»,— подумал Стёпа. Он воткнул в снег палки, снял шапку и отёр со лба лёгкий пот. Постояв так несколько минут, паренёк двинулся дальше, пересек небольшую поляну и оказался у овражка, густо заросшего черёмушником. Здесь волчий след резко повернул вправо и даже подался немного назад.

«Отчего это он так шарахнулся»,— подумал Стёпа и стал внимательно оглядывать местность. Но ничего особенного не заметил. Кругом лес да нетронутый пушистый снег. Даже звериных стёжек не видно.

Он прошёл ещё немного, чтобы понять всё-таки, чего испугался волк, снова остановился и осмотрелся. Ему показалось, что от снежного бугорка, едва видного в кустах на краю оврага, поднимается лёгкий парок. Он продвинулся к этому месту поближе и ещё раз пристально вгляделся.

«Да, точно, пар идёт,—подтвердил он про себя.—Уж не медведь ли тут залёг? Только место для берлоги не подходящее: кустарник».

Осторожно раздвигая кусты, Стёпа подошёл к самому бугорку. И верно, из неширокого отверстия шёл пар, оно немного оттаяло и походило на воронку.

«Берлога и есть,— обрадованно заключил он.— Надо бежать в село за тятей и другими охотниками, они поднимут медведя».

Чтобы окончательно убедиться в правильности своей догадки и не оконфузиться перед взрослыми, Стёпа присел на корточки, наклонился над отверстием и вдруг почувствовал запах портянок. Это его смутило.

«Медвежья берлога, а портянками пахнет! Ну, а откуда я знаю, чем пахнет от залёгшего медведя. Может быть, он и должен онучами отдавать».

Раздумывая так, Стёпа наклонился ещё ниже и вместе с запахом портянок его опахнуло самосадом.

«Что-то тут не так».

Совсем озадаченный, Стёпа поднялся на ноги, посмотрел

кругом, отошёл подальше от отверстия, постоял, подумал и решил спуститься в овраг. Он медленно начал двигаться по отлогому склону, стараясь не задевать лыжами ветки кустарника и не шуметь.

Оказавшись на дне оврага, мальчик пошёл вдоль него, обогнул густые заросли кустарника и неожиданно очутился перед небольшой дверью-западёнкой, вделанной в скат оврага. Она была так ловко расположена, что обнаружить её можно было, лишь подойдя на несколько шагов. Стёпа испугался, сорвал с плеча ружьё и отошёл за черёмуховый куст. Постояв немного и оправившись от испуга, он прежде всего взвёл курок и переложил запасные патроны за пазуху.

«Ясно,— рассуждал Стёпа,— я наткнулся на землянку недоброго человека, и от него всего можно ожидать. Хорошему человеку нечего прятаться в глухом лесу, по оврагам».

Надо было решить, что предпринять дальше.

Осматривая место около землянки, он по отчётливым следам валенок понял, что живёт тут только один человек. Никаких сле-

дов, идущих от землянки по дну оврага или на его скаты, нет, значит, он несколько дней никуда не отлучался.

«Пока я бегаю за народом,— размышлял паренёк,— он заметит мои следы, тогда ищи ветра в поле. Нет, уж покараулю его сам, может, выйдет».

И, спрятавшись за кустом, не снимая лыж, он стал ждать. Погода попрежнему была безветренная, но морозная. Холод постепенно пробрался Стёпе под полушубок, начали мёрзнуть ноги, а обитатель землянки не подавал никаких признаков. Прошло ещё полчаса. Мальчик совсем озяб и хотел уже уходить, как дверка медленно откинулась и из землянки показалась бородатая голова в белой заячьей шапке с длинными ушами.

— Ой, да ведь это Прошка-прохвост,— сразу узнал Стёпа.

Так крестьяне прозвали Прокопия Усольцева, известного на всю округу кулака, первостатейного жулика и грабителя. Он нещадно обирал крестьян, за пуд заёмной муки брал осенью три; сельская беднота батрачила на него круглый год.

«Но Прошку выслали из села ещё месяца два назад, как же он тут оказался?» — недоумевал Стёпа.

И вдруг в памяти мальчика мгновенно пронеслись события недавних дней.

...Высоко взметнувшиеся в ночное зимнее небо зловещие языки пламени на краю села. Горел сарай, в котором хранились сельскохозяйственные машины, и в их числе гордость колхоза — только что купленный в рассрочку колёсный трактор «Универсал». От машин остались искорёженные, покрытые окалиной железные части, годные лишь в переплавку.

Это было делом рук кулаков.

...Раздувшиеся, уже одеревеневшие на морозе трупы колхозных коров, отравленных озверевшим кулачьём.

...Иссиня бледное лицо секретаря комсомольской организации колхоза Миши Рогачёва, лежавшего в санях на соломе. Его нашли тяжело раненным на дороге, ведущей в районный центр, откуда он возвращался с совещания.

Это было также делом рук кулаков, которые в своей дикой злобе могли пойти на любое преступление против советских людей.

Стёпа крепче сжал ружьё, готовый ко всему.

А Прошка огляделся по сторонам, вылез наружу и закрыл за собой дверь землянки. Повернувшись спиной к Стёпе, он прошёл немного по дну оврага, остановился, прислушиваясь, посмотрел вверх, снял с правой руки меховую варежку и начал чесаться.

«Видно, давно в бане-то не мылся, паразиты завелись»,— отметил Стёпа.

Эта смешинка как-то вывела его из напряжённого состояния, успокоила, помогла трезво оценить обстановку. Сообразив, что именно теперь, когда кулак отошёл от землянки, лучше всего на него напасть, Стёпа выскочил из-за куста, подбежал к двери землянки и крикнул:

— Стой на месте!

Прошка-прохвост на секунду обернулся и побежал вдоль оврага. Но снег был глубокий, он увязал в нём выше колен, и Стёпа легко настиг его.

— Стой, застрелю! — снова предупредил паренёк.

Кулак остановился и повернулся к нему лицом.

— Э-э! Да это Стёпша,— проговорил Прошка, еле переводя дух и вытирая варежкой пот, катившийся по лицу.— Я думал, бандит какой на меня напал. Фу ты, господи, напугал как! Что, зайчиков пострелять собрался? Давай, заходи в землянку, обогреешься, чаёк сварганим.

И он начал подвигаться навстречу Стёпе. Эти слова обескуражили мальчика, он опустил было ружьё, но, увидев, какой ненавистью блеснули глаза у заспешившего к нему Прошки, опомнился, снова вскинул берданку и прицелился в кулака.

— Не шевелись, стой на месте!

Кулак бросился к Стёпе, тогда мальчик нажал спусковой крючок. Грохот выстрела разнёсся по лесу. Чугунная самодельная дробь со страшным воем и свистом пролетела над головой кулака. Он упал в снег, схватился обеими руками за голову и завопил:

— Ой, убил, убил!

Но Стёпа быстро перезарядил ружьё и крикнул:

— Не притворяйся, вставай и иди вперёд меня!

Прошка-прохвост поднял голову, посмотрел на Степана и медленно поднялся.

— Если опять вздумаешь напасть, тогда я выпалю уже прямо в тебя... Пойдёшь со мной в село, в милицию,— добавил мальчик.

Оправившись от испуга, кулак обрёл, наконец, дар речи:

— Вот и хорошо. Я туда же собирался, милиции мне нечего бояться. Только ты, Стёпа, пусти меня в землянку за лыжами, а то как я пойду по снегу — убродно ведь.

Но мальчик теперь сразу понял, что это новая уловка хитрого врага, и сказал:

— Ничего, без лыж обойдёшься, по целине-то не больно побегаешь. Давай иди вперёд.

Прошке пришлось подчиниться. Они вышли из оврага и по лыжне, проложенной Стёпой, направились в село.

Прошка-прохвост некоторое время шёл молча, а потом, обернувшись к мальчику, спросил:

— Чем у тебя, Стёпка, ружьё заряжено, почему оно так завывает?

— А это такая пуля, под названием дум-дум, на крупного зверя. Попадёт в него, разрывается внутри и всё там перемешивает.

— Ври больше. Таких пуль не бывает.

— Не веришь, так давай попробуй от меня бежать, увидишь, что получится.

— Ну, ну, ладно, голопузик паршивый. Не попался ты мне там у землянки, я бы уже попробовал без этой думы-думы все внутренности тебе наизнанку вывернуть. Подожди, может, ещё и на нашей улице праздник будет, попадёшься, шкуру с живого сдеру, косомол проклятый,— злобно пролаял кулак.

— На вашей кулацкой улице праздников больше никогда не будет. Хватит, попраздновали! Шагай, не лайся,— ответил Стёпа.

Остальной путь шли молча. Впереди, обливаясь потом, брёл Прошка, оставляя за собой глубокие следы, а за ним шагах в восьми-десяти легко скользил на лыжах Стёпа, с посуровевшим, несколько бледноватым лицом. Он только сейчас понял, какая смертельная опасность угрожала ему.

Наконец, лес начал редеть, вдали показалось село. Тогда Прошка-прохвост решил выкинуть ещё один номер: он лёг на снег и заявил, что дальше не пойдёт.

Мальчика это сначала несколько озадачило, и он хотел было выстрелить, чтобы его услышали в селе и пришли на помощь. Но, подумав, он не стал тратить заряд.

— Ладно, лежи, загорай. А я побегаю, погреюсь.

Так продолжалось несколько минут: кулак лежал, а мальчик бегал вокруг него. Но, видимо, мороз изрядно начал прохватывать Прошку, он встал и двинулся дальше.

В сумерках, когда они были уже на окраине села, их догнал мужчина на лошади, запряжённой в ковровые санки.

— Дяденька, помогите! Поймал! — крикнул Стёпа.

Мужчина, оказавшийся председателем соседнего колхоза, резко осадил лошадь.

— Чего кричишь? Кого поймал?

— Прошку-прохвоста в лесу поймал! — ответил Стёпа.

Председатель протяжно свистнул от удивления, выпрыгнул из санок, подбежал к Прошке и посмотрел ему в лицо.

— Да, точно, он. Ну и геройский ты парень, садись, подвезу до сельсовета.

В сельсовете Стёпа не стал задерживаться. Он коротко объяснил дежурному суть дела, сдал ему Прошку и отправился домой. Только сейчас он почувствовал страшную усталость от всего пережитого. Придя домой, Стёпа сказал отцу, что поймал в лесу Прошку-прохвоста, и, не говоря больше ни слова, влез на полати и заснул, как убитый.

Проснулся он только на другой день, часов в десять. Дома никого не было. Стёпа умылся и сел завтракать. Но не успел он допить чай, как прибежал Тимка, сельсоветский рассыльный, и сообщил, что его требуют в сельсовет.

По дороге Тимка рассказал, что рано утром несколько лыжников-комсомольцев забрали с собой Прошку-прохвоста и сбегали к его землянке. В ней они нашли запас продуктов, двустволку с патронами, заряжёнными пулями и дробью, нашли также наган с несколькими запасными обоймами.

— Ничего себе фрукта ты подцепил,— заключил Тимка.

В сельсовете собрались все активисты во главе с секретарём партячейки. Стёпу, как почётного гостя, посадили к столу и заставили рассказать, как было дело. Он рассказывал, волнуясь и краснея от необычного внимания, а под конец совсем сконфузился, когда кто-то под общий добродушный смех спросил, чем у него ружьё было заряжено. Видно, узнали про чугунную дробь.

— А ты, Степан Михайлович, не тушуйся,— сказал секретарь партячейки, навеличивая паренька, как большого, и пожимая ему руку.— Смелость города берёт. Молодчина! Матёрого ты волчища забагрил. Этот куда свирепее твоего поросячьего. Лютый зверюга! Надо их беспощадно вырывать из нашей колхозной земли. Теперь понятно, кто у нас сарай с машинами спалил, кто стрелял в Мишу Рогачёва да панику на лесных дорогах наводил.

Спасибо тебе, Степан, от лица всей нашей партийной ячейки, от всех колхозников!

Случай в классе

К. Никитенко *Рисунки В. Бубенщикова*

— Я проверил ваши сочинения.

Семён Николаевич поправил очки и дружелюбно оглядел притихших ребят.

— Мне понравилось, что сочинение о дружбе вы все написали горячо, интересно, а кроме того, чисто и грамотно.

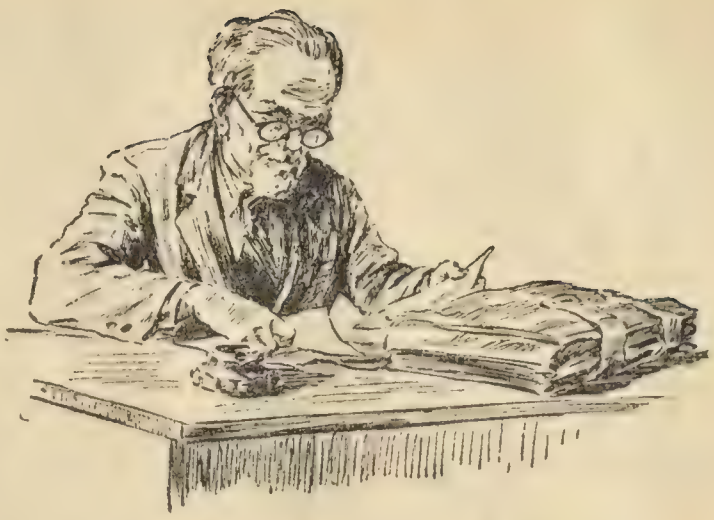
— А двоек много? — спросил Митя Астафьев с последней парты. Но Семёна Николаевича не проведёшь: он хитро улыбается.

— То есть тебя интересует твоя оценка? Справедливо. Но ты не один в классе. Потерпи.

Хорошо говорить «потерпи!» А если не терпится? И Митю поддерживает с места Серёжа Рязанов:

— Нет, правда, Семён Николаевич, много двоек?

— Плохих работ мало. Но меня удивило одно: куда могло деваться сочинение Андрюши Палашенко?



Взъерошенный Андрей торопливо вскакивает:

— Я сдавал!

— Да, я помню,— кивнул головой Семён Николаевич,— ты сдал работу. И она лежала на столе. Вчера ты остался отвечать мне по русскому языку, и мы занимались в пятом классе. Помнишь, меня вызвали на одну минуту? А когда я вернулся, листочки с сочинениями лежали не так, как я их оставил.

— Так я уже вам говорил,— насупился Андрей,— окно было открыто. Я смотрю — ветром листочки сдунуло со стола. Ну, я их собрал и положил... на место.

Все внимательно прислушивались к Андрейкиным словам. С одной стороны, вроде бы и понятно, мало ли что ветер может сделать, но с другой... Как-то уж очень странно всё выходит: окошко, ветер, перемешанные листки на столе, пропавшее сочинение...

— Хорошо. Значит, остаётся предположить, что твоё сочинение унесло ветром в окошко,— подытожил Семён Николаевич,— садись на место.

Андрей почувствовал, как кровь прихлынула к лицу, когда он сел на место. Ещё бы! Даже младенцу ясно, что Семён Николаевич говорит несерьёзно. Но почему? Ведь он же не трогал своего сочинения!.. Он очень хорошо помнил, как они сидели в классе. Семён Николаевич проверял листочки, а он учил правило. Потом в дверь постучали, Семён Николаевич взял со стола какую-то книгу и вышел. Андрейке страшно хотелось подойти к столу и посмотреть оценки. И тут как раз в открытое окно влетел ветер, колыхнул занавеску, закинул Андрейкины волосы куда-то вбок, расшвырял по классу листочки. Конечно, Андрей собрал их, положил на место, ну, и... посмотрел оценки. Но своего листка он даже и в глаза не видел.

Но ребята ничего этого не знали. Им было известно одно:

во время отсутствия учителя сочинение пропало, а остальные работы оказались перемешанными. В классе же, кроме Андрейки, никого не было. Значит, сочинение мог взять только Андрей, и взял он его или из-за ошибок или потому, что устыдился писать о дружбе: ведь недавно он поссорился со своим закадычным другом Лоркой Лазаренко, и в классе думали, что виноват Андрейка.

Перемену Андрей провёл на школьном дворе, сидя в углу.

После звонка он нехотя направился в класс. Возле парты Вали Кучумовой перед ним остановился Серёжа Рязанов:

— Андрейка, скажи по совести, ты взял сочинение?

— Не брал.

— А кто тогда взял?

— Не знаю.

— Да ну?!

— А вот и ну!

— Слышь, Палашенко, ты по совести скажи, не прикидывайся!

— А чего мне прикидываться?

— Да чего ты, Серёжка, с ним разговариваешь? — заверещала Кучумова,— ему и писать-то в сочинении нечего было, раз он с Лоркой разругался. Вот он взял да и изорвал.

— Ты, Кучумиха, не знаешь, так молчи! — угрожающе двинулся на неё Андрей.

— Беда, как я испугалась,— фыркнула та.

— А ты не больно на девчонок налетай,— Серёжка стоял теперь совсем рядом с Андреем,— наврал Семёну Николаевичу, сочинение изорвал...

— А ну, повтори!

— И повторю! Думаешь, испугался?

— И повтори!

— И повторю! Ты сочинение изорвал.

— Ах, я изорвал?!

Не помня себя, Андрей размахнулся и ударил Серёжку. Когда он опомнился, между ними стояли ребята. Кто-то держал Сергея, который рвался из рук и кричал, Андрейку держали тоже. Он понял, что случилось непоправимое. Раскаиваться поздно. Андрей резко выдернул руки, схватил портфель и вы-

скочил из класса. Гнев, несказанная обида, стыд за себя заставляли его задыхаться, на глазах кипели едкие, злые слёзы. За что, за что его так обидел Серёжка? А Кучумова? Что он ей такого сделал? Попросила задачку по геометрии списать — дал, драться с ней — не дрался. Почему же она думает, что он изо-

рвал сочинение! И из-за кого? Из-за Лорки... Да и Лорка тоже хорош — молчит! Ведь он же, он был виноват в этой ссоре, сам первый начал, сам слушать ничего не хотел... А Андрей так надеялся на это сочинение... Вот тебе и понадеялся!.. А тут ещё через неделю его на комсомольском собрании должны принимать в комсомол, и рекомендовать должны Серёжка и Надя Плесовских. Как же теперь? Эх!..

В классе бурлили страсти. Одни кричали, что драться в школе — хулиганство, что школа не улица, и что тогда остаётся делать пятому классу, если старшие будут так себя вести; другие недоумевали, как мог Андрейка позволить себе такое.

Больше всех горячился Юра Федаев. Его всегда сильно волновали все школьные события, и каждая неприятность была его личным делом. Сейчас не шутя была задета честь класса. Вот, скажут, комсомол в седьмом классе!

— Вот безобразие! — сверкал он глазами.— Борька! Давай завтра газету выпустим — ты нарисуешь, а я заметку дам! — обратился он к Борису Безрукову.

— Давай,— согласился тот и обернулся за поддержкой к Латынцеву. Но Витька на этот раз отвёл взгляд и никак не выразил своего одобрения.

На другой день Андрей пришёл в школу взъерошенный ещё больше, чем обычно, готовый к чему угодно и на что угодно. Но в классе на него никто не обратил внимания. Все стояли в углу у окна и громко смеялись. Он нерешительно потоптался в стороне, потом подошёл ближе. К стене был приколот кнопками восьмой номер классной «Молнии». Заметка была короткой и энергичной:

«Ребята! У нас в классе есть ученик. Он готовится в комсомол. Мы все писали сочинение о дружбе, и он тоже писал. Мы все писали правду, а он разругался со своим другом, а сочинение всё-таки писал. Он сдал его. А потом учитель вышел из класса, а он изорвал сочинение и другие работы перемешал, и сказал, что это ветер. Но мы не дураки и не маленькие деточки, и мы этому не верим».

Дальше шли рисунки: ученик рвёт сочинение, и ученик говорит учителю: «это ветер!»

Андрей медленно, строчка за строчкой, прочёл заметку от начала до конца. Ему было очень обидно, и хотелось крикнуть: «Ребята! Да неправда же! Я не брал сочинения!»— но он ничего не сказал. Он только больно прикусил прыгающую губу, протянул руку и сорвал со стены листок с заметкой. Никто не успел опомниться, как всё было кончено. Рядом с Андреем очутилась Надя Плесовских.

— Ты зачем сорвал газету? — спросила она дрожащим голосом. И, хотя раньше он никогда не трогал девочек, Андрей оттолкнул Надю плечом и выбежал из класса.

И тут неожиданно на защиту Андрейки выступил Витька Латынцев. Он стал доказывать, что ещё не известно, куда де-

валось сочинение, что Андрей, может, и не виноват вовсе, что он ни с того ни с сего не стал бы драться с Серёжкой — Серёжка парень хороший, и, значит, у человека сердце закипело, что нечего было выскакивать с газетой, а прежде надо было с Семёном Николаевичем посоветоваться...

Латыш говорил тихо, сдерживая волнение. На смуглых щеках проступили розовые пятна...

...Через час Семён Николаевич входил в седьмой класс. После первого приветствия он спросил ребят:

— Ну, так что же у вас случилось?

— Палашенко «Молнию» сорвал! — на разные голоса зашумели ребята. Потом Рязанов поднял руку и рассказал всё, как оно было: о чём говорила заметка и как принял её Андрей. Семён Николаевич выслушал до конца, посадил Рязанова, а потом огорошил всех:

— А знаете, ребята, Андрюша ведь действительно не рвал сочинения. Да, да! Это я, оказывается, виноват — положил листок с его сочинением в книгу, а книгу отдал мальчикам из шестого класса. Сегодня они мне её вернули. И надо вам сказать, что сочинение это очень хорошее. Вот я вам конец прочту.

Семён Николаевич откашлялся, поправил очки, взял в руки листок и прочёл:

«Это я всё про дружбу вообще писал, а теперь про себя напишу. У меня был друг, Лора Лазаренко. Когда я болел, в прошлом году, он каждый день приносил мне уроки, давал разные книги и рассказывал кино. Но мы с ним поссорились. Мы оба были виноваты, но мы обязательно помиримся, потому что мы были настоящие друзья, а не просто так».

— Ну вот, я же говорил,— тихо сказал Латынцев.

Андрейка сидел на большом камне у самой воды. Домой идти было ещё рано. Мать спросит: «Почему рано пришёл?» — придётся врать. А вранья Андрей не любил. Что теперь делать? Как доказать ребятам, что он не рвал сочинения? Э, да не всё ли равно теперь? Теперь, когда он толкнул Надю Плесовских, ударил Серёжу, сорвал газету и ушёл с уроков? Нет, в школу он больше не пойдёт, это ясно. Пожалуй, надо будет с товарным съездить в Ново-Павловку. Говорят, там на шахте можно

устроиться подручным или ещё где-нибудь... Мать будет плакать, конечно. Ну, да уж что поделаешь?..

В кустах раздался шорох. Зашептались. Андрейка резко обернулся — Лорка? Что ему здесь надо?

— Ну да, я же говорю, он здесь! Идите сюда! — у Лорки в голосе слышалась неподдельная радость.

И сейчас же из кустов вылезли Лорка, Надя, Серёжка, Витька Латыш и даже Кучумова.

— Андрей,— сказал Серёжка,— нам Семён Николаевич всё рассказал, и мы теперь знаем, что ты не виноват. Твоё сочинение нашлось.

— Нашлось?! — у Андрейки даже дух от радости перехватило. Серёжа кивнул головой:

— Ну да, нашлось. Его ребята из шестого класса принесли. А мы... в общем, мы извиняемся, понимаешь? Латыш ещё раньше всех догадался и стал со всеми спорить.

— Мы ведь не знали,— прибавила Надя.

Лорка вздохнул, как паровоз, почесал затылок и сказал решительно:

— А в том, что мы поругались, так это я один виноват,— и неожиданно добавил,— а твоё сочинение очень хвалили и пять поставили.

— Это всё Латыш,— с гордостью твердил Серёжка.

Андрей благодарно взглянул на Витьку, но тот сердито махнул рукой и отвернулся. И только Валя Кучумова ничего не сказала. Но глаза у неё были такие виноватые, что всё и без слов стало понятно. Андрейка смущённо пробормотал:

— Ладно, чего там... Я ведь тоже виноват. Газету сорвал... Серёжка, ты стукни меня как следует, а? Я не обижусь, честное слово!

А над ними ярко сияло и смеялось солнце сентября. Оно как будто знало, что никакой неправде нет места между теми, кто готовится вступить в комсомол.

СБОР ЛОМА

И. Беляев
Рисунок Е. Гилёвой

Лежал, ржавел в траве металл,
Валялся по дворам,
Он лишним был.
Он всем мешал,
Железный этот хлам.

Прошёл по улице отряд,
Во все входил дворы —
Искал металл пытливый взгляд
Весёлой детворы.

Пусть руки в ржавчине, в пыли,
Пусть ссадины горят,
— А всё же мы металл нашли! —
Ребята говорят.

— В заводе станет он станком,
Подковой для коня.
Солдатским будет он штыком
Покой наш охранять!

Странный орешек

А. Новосельский *Рисунки В. Бубенщикова*

Дело было так сначала:
У товарного двора
Недалёко от вокзала
Есть хорошая гора.
Мы катались в воскресенье
До двенадцати часов.
В этот раз, на удивленье,
Обошлось без синяков.
Мы ещё бы погуляли,
Да расхныкалась сестра:
— Ножки в валенках устали,

Есть хочу, домой пора!
Попрощались мы с горой,
И отправились домой.
Только линию прошли —
Что-то странное нашли:
Возле рельсов на дорожке
Неизвестный человек
Интересные горошки

Обронил на белый снег.
Подобрали мы горошки,
Сосчитали на ладошке.
Хорошо, что их четыре,
Хватит всем по одному:
Нас ведь четверо в квартире —
Не обидно никому!
Мы на кухню прибежали,
Сняли шубы и тотчас
Папу с мамою позвали:
— Посмотрите, что у нас!
В самом деле, что за чудо?

Очень странное зерно:
Как стеклянная посуда,
Запаковано оно.
Всё покрыто слоем ваты,

Словно шубкой меховой.
— Он зато,— сказала Ната,—
Не простудится зимой!
Папа думал меньше всех:
— Это, видимо, орех.
Мама даже засмеялась:
— Мне такого не встречалось,
Папа просто пошутил!
Я горошек раскусил —

И с трудом из белой шубки
(Ни к чему был мамин смех!)
Из тонюсенькой скорлупки
Глянул крошечный орех.
Мы орешек намочили,
В банку с розой посадили.
Им совсем не тесно тут,
Пусть-ка рядышком растут!
Дни за днями полетели,
Как снежинки на ветру.
Я открыл глаза в постели
Как-то рано поутру.
И хоть был ещё я сонный,
Но вскочил, не чуя ног:
Рядом с розою зелёный
Появился стебелёк.
Разбудил я тотчас всех:
— Полюбуйтесь на орех!

* * *

Над землёю день весенний,
Снега нет давным-давно.
Вот уж веточки сирени
Дружно тянутся в окно.
Мы с Наташей сзади дома
Накопали чернозёма:
— Получайте, это вам —
Орешку с розой пополам!
...Солнце льёт всё больше света,
Вот июль уже настал,
И орешек наш за лето
Ростом розу обогнал.
А потом набухли почки,
И однажды жарким днём
Белоснежные цветочки
Мы увидели на нём.
Даже папа, наконец,
Улыбнулся: — Молодец!

* * *

Дни за днями всё бежали,
Быстро-быстро, как в кино...
Вот уже цветы опали,
Улетели за окно.
Я горжусь моей сестрою:
По плечо Наташа мне,
А орешки над листвою
Разглядела в вышине:
Три зелёные головки,
Словно вишенки, торчат,
Притаились очень ловко,
Показаться не хотят.
...Не пропали даром наши
Ожиданья и труды!
С каждым днём полней и краше
Наливаются плоды.

Были с вишенку вначале,
А потом побольше стали.
Вот набухли, словно мак,
Вот почти, как мой кулак!
Долго так они висели,
Сколько дней, не знаю сам.
А когда совсем созрели,
Раскололись пополам.
Папе стало не до смеха,
Папа смотрит на орех.
Видно всем внутри ореха
Что-то белое, как снег.
Поднесли к орешку Нату,
Разглядела Ната вату.
Мама крикнула: — Ура!
Это хлопок, детвора!..
Это южное растенье
Любит солнце и тепло,
А вот всем на удивленье
На Урале расцвело!

* * *

На дворе похолодало,
Дождь стучит, стучит в окно.
Собирать пора настала
Пуховое волокно.
— Ну, Наталка, не зевай,
Принимай-ка урожай!
Кончив дело, мы на стуле
Ватку лёгкую, как дым,
Осторожно развернули,
Развернули — и глядим:
Словно в беленькой кровати,
Семена лежат на вате,
На перинке мягкой спят,
Просыпаться не хотят.
Вот откуда те горошки,
Что холодною зимой
Возле рельсов на дорожке
Мы собрали в выходной!

* * *

...Ах, какой же день весёлый!
В доме хлопоты у нас:
Я сегодня утром в школу
Отправляюсь в первый класс.
...Солнце светит ярко-ярко
Ради праздничного дня.
В школу я иду с подарком,
Он в кармане у меня.
Я рукой его сжимаю,
Всё боюсь, что потеряю,
Ведь подарок не простой —
Это хлопок дорогой!
Вот когда звонок весёлый
Всех усадит по местам,
Я учительнице в школе

Наши зёрнышки отдам.
Их рассадят по горшочкам,
И под осень через год
Мягким, беленьким комочком
Новый хлопок расцветёт.
И тогда семян у нас
Будет больше в двадцать раз.
А ещё бы нам не худо
Совершить такое чудо:
Нежный хлопок приучить
Во дворе на грядке жить.
Пусть любуются ребята,
Приходя на школьный двор,
Как растёт живая вата
На земле Уральских гор!

О ленивом братишке

Н. Павчинская *Рисунки Е. Гилёвой*

После утренней зарядки исчезает сон, как тень,
Бодро, весело и чётко мы вступаем в новый день.

Я свою постель заправил, я давно свой завтрак съел,
А братишка мой ленивый и проснуться не успел.

Мама к брату подходила, раза три его будила,
Я его будил не раз — не открыл он даже глаз.

Я скорей схватил подмышку приготовленные книжки
И уже в дверях слыхал, как братишка мой кричал:

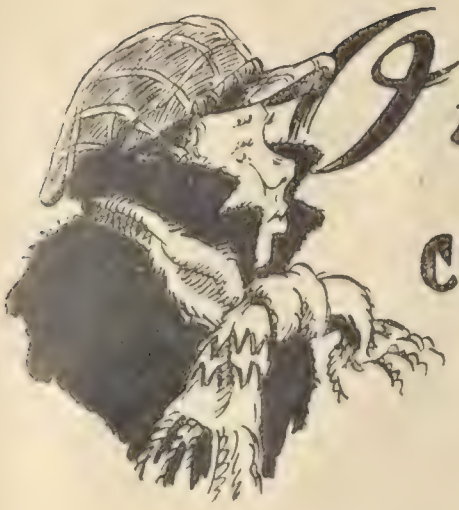
— Почему меня забыли? Почему не разбудили?
Не успею съесть пирог, опоздаю на урок!

Я по лестнице спускался — сверху голос раздавался:
— Мама, мама, помоги — кто-то спрятал сапоги.

Кто все книжки разбросал? Кто перо моё сломал?
Где же шапка, где перчатки — вечно в доме непорядки!

И такую вот картину можно видеть каждый день,
Потому что очень крепко подружилась с братом лень.

Может быть, у вас, ребята, есть такой ленивый брат?
Как бы вы с ним поступили? Подскажите — буду рад.



Этот, как Топоров, СТАЛ ВЕСЕЛ И ЗДОРОВ

П. Евладов

Рисунки автора

— Гляньте: Миша Топоров
Бодр и весел, и здоров!
И никто не узнаёт:
Неужели это тот,
Кто не плавал, не нырял,
Не играл, не загорал,
Кто ходил в суконной кепке,
Замотавшись шарфом крепко,
Кто в жару и в солнцепёк
Без пальто ходить не мог,
Кто всегда носил в карманах
Мази в баночках стеклянных,
Разных капель пузырьки,
Бинт, таблетки, порошки,
Мылся тёпленькой водицей
(Всё боялся простудиться)
И всегда от физкультуры
Лишь отмахивался хмуро?
Что за чудо?! Нынче Миша

В чемпионы школы вышел
И по многим видам спорта
Бьёт товарищей рекорды.
— Физкультурник в полной силе,
Словно парня подменили.
Каждый крайне удивлён:
— Это он или не он?
Разговор такой услыша,
Подошёл к ребятам Миша.

— Что вы спорите, друзья?
Это тот же самый я.
Лето прожито не зря
В пионерских лагерях!

Всё случилось очень просто,
Я и сам того не ждал:
Через речку шёл я мостом,
Зазевался — и упал.

Да свалился прямо в реку.
Не достать ногами дно.
Что тут делать человеку?
Остаётся лишь одно:

Кое-как пальто я скинул,
Шарф, калоши и пиджак.
Нахлебался вдоволь тины,
Всё же выплыл кое-как.

Кое-как на берег вышел
И подумал: «Миша, Миша...
Не случилась бы беда,
Ты остался б навсегда

Неженкой и шляпой
Трусом и растяпой».

А пальто — на дне реки:
Тяжелы в его карманах
Мази в баночках стеклянных
Да в коробках порошки,
Да с микстурой пузырьки...

Утонули все одёжки,
Было жалко их немножко.
Но зато теперь навек
Перед вами —
человек!

Н. Садовый *Рисунки Н. Пинигина*

В воскресенье
Кошкин Сеня
Сесть решил за повторенье.
Взял учебник,
Сел за стол
И давай зубрить глагол.
Прочитал одну страницу,
Стал уже глагол спрягать,
Вдруг пришёл Андрей Синицын
И сказал:
— Пошли играть!

Поиграл Семён в футбол —
Повторять домой пошёл.
Из портфеля вынул книжки,
Взял перо, тетрадь.
И вдруг...
Появился Стёпа Мышкин,

Закадычный Сенин друг.
— Ты давно зубришь?
— Давно...
— Есть билет —
Пошли в кино!
— Я не прочь,—
Ответил Кошкин,—
Отдохнуть не грех немножко.
— А глагол?
— Я так смотрю:
Завтра утром повторю.
Не уйдёт от нас глагол...
...И в кино с дружком ушёл.

Где живут орлы

Н. Трубин *Рисунки В. Бубенщикова*

Жили-были у нас в Талице три друга-школьника: Саша Скакунов, Гриша Терских и Павлик Холкин.

Живём мы на водоразделе рек Пышмы и Ницы. Эти реки текут с Уральских гор на восток, обе несут свои воды в Обь.

Водораздел их на сотни вёрст покрыт лесами, большею частью — березняками.

В августе, когда на покосах стоят стога сена, в лесной чаще пахнет смородиной и папоротником, спелым листом берёзы и осины, когда по берёзовым рощам в травке краснеют букетики

костяники, а повыше, в лесной подсаде, красуется северная ядрёно-кислая рябина, когда ясный день, а небо голубое и чистое, над нашими лесами кружатся орлы.

Высоко-высоко, даже смотреть больно. Временами отчётливо слышны их крики: «Кле-кх! Кле-кх!»

Саша Скакунов летом с дедом Анисимом пасёт скот-молодняк.

В голубые тихие дни Саша любит смотреть на парящих орлов. Лежит на спине, не мигнёт глазом, и кажется ему, что он не на земле, рядом с дедом, а там, с орлами.

— Высоко, дед, орлы кружатся? — спрашивает парень.

— Какие орлы?

— А вот над нами. Разве не видишь?

— Не вижу, глаз тупой стал.

— А раньше видел?

— Раньше?! Раньше я, брат, зоркий был, всё видел.

— Я спрашиваю, высоко ли до орлов? — допытывался внук.

— Вёрст на пять, поди, поднимаются,— неторопливо отвечает дед.

— Поймать бы орла,— мечтал парень.

— Зачем он тебе?

— Читал я, что с орлами можно на охоту ходить. Глухарей, лис, даже волков орёл бьёт. Где бы, дедо, поймать орла?

— Поймать орла? Чудак ты, Шурик! Летать не можешь, а орла поймать,— смеётся дед.

— Найду гнездо, молодого возьму. Скажи, где орлиные гнёзда?

— Далеко, тебе не найти. Заблудишься.

— Пойдём вместе.

— А кто будет скот стеречь? Пошёл бы, да, сам видишь, не могу.

— Меня отпусти. С Павлушкой да с Гришухой пойдём.

— Не-е зна-аю, подумать нужно.

Дед и сам в молодости завистливыми глазами смотрел на высоко парящих орлов. Всю жизнь провёл в лесу, волков бил, лосей, но ни разу не поднял ружьё на орла.

— Гордая птица, высоко летает, далеко видит. Уважать положено орлов, а не бить,— говаривал Анисим Павлович.

Два дня Анисим Павлович раздумывал. Знал он, что за Волчьей падью, вёрст так за пятнадцать, встречаются орлиные гнёзда. А как отпустить? Заблудятся ещё ребята.

Бабушка Павла замолвила за внука:

— Отпустил бы. Пойдут Гришуха с Павликом, они ребята небалованные. Может, ничего и не найдут, хоть ягод пособирают.

Решился дед. Ребята начали сборы: чистили берданку, заряжали патроны дробью, три патрона на всякий случай картечью зарядили.

Бабка Павла укладывала в мешок сухари, калачи, соль, в особую баночку положила мазь от комаров и мошкары.

— Идите сначала Серковской дорогой, вам попадёт речка Мостовая, потом Скакунка, вёрст через пять — Крапивка. Дальше увидите елань, за ней и начинается Волчья падь. Тянется эта падь вёрст на десять-пятнадцать с запада на восток. В тех местах нерубанные леса, здесь и надо искать орлиные гнёзда,— давал наставления Анисим.

Не пропуская ни одного слова, ребята слушали деда.

— Как будете влезать на дерево, сторожитесь: орёл может поранить. Можно холостым выстрелом отпугнуть, криком. Орлёнка из гнезда сади прямо в мешок, на землю не кидай. С ружьём осторожнее, не вздумайте друг на друга наставлять, иногда этим балуют, несчастные случаи бывают.

— Знаем, не маленькие,— успокаивали старика ребята.

Наконец всё готово: рюкзаки, ружьё с патронами, компас, фляжки для воды, ножи и маленький топорик в чехле.

Как только забрезжило утро, ребята поднялись.

Первым их встретил Трезор.

— Идём, Трезорушка, сегодня с нами,— обнял и погладил собаку Саша, а Трезор подпрыгнул и лизнул хозяина в лицо.

Затопилась печь, вышел из дому и дед Анисим.

— Ого! Охотники уже на ногах! — удивился старик.

Завтрак ребятам не шёл на ум. Бабушка Павла журила их, что мало едят, и всё предлагала то хлеба, то молока, то жареных картошек.

— Наедайтесь крепче. Что молоко не допили? Картошек-то ещё,— говорила старушка.

Было решено, что ребята вместе с дедом по пути погонят стадо, а потом уже уйдут на Серковскую дорогу.

На МТФ доярки бренчали подойниками, сторож дядя Петро открыл ворота, и Анисимово стадо направилось обычной дорогой на пастбище.

— Три дня даю вам сроку,— наказывал дед.— Ночевать выбирайте сухое место. Сетки от комаров не забыли? Руки мазью намажьте, а то мошкара заест.

За Ольховым болотом охотники расстались со стариком и направились на Серковскую дорогу.

— Вон она! За большими берёзами! — кричал дед удалявшимся ребятам.

— Зна-а-ем! Ви-и-дим!

Трезор несколько раз останавливался: не знал, не то остаться с Анисимом, не то следовать за молодым хозяином.

Саша позвал его, и верный пёс большим махом догнал ребят.

С травы поднимались тучи комаров, пришлось надеть сетки, а руки покрыть чёрной мазью из баночки, положенной бабушкой Павлой.

На речке Мостовой охотники немного отдохнули.

Чем дальше, тем лес становился гуще. Вдруг до слуха наших путешественников донеслось какое-то гавканье. Трезор бросился было вперёд, но Саша остановил его повелительным: «Нельзя!»

— Это что? — удивился Гришуха.

— Не знаю: собака или медведь,— ответил Павел, вслушиваясь.

— Может, лесник ходит с собакой?

Ещё несколько раз повторился странный и незнакомый звук, но ни лесника, ни собаки охотники не встретили.

— Это, ребята, дикие козлы,— нашёл объяснение Сашка.— Смотрите, вся трава примята, вот и их копытца заметны на земле.

Действительно, на влажной почве ясно были видны отпечатки копыт.

Нашли и речку Крапивку. Правильно дали ей имя: течёт она по низким местам, берега поросли ольхой и крапивой.

День клонился к вечеру. Над головами кружились тучи комаров.

— Без сетки приди сюда — заедят до смерти,— заявил Гриша, всегда всё преувеличивавший.

— Ты их не бей. Бабушка Павла говорит, что если до первого августа комара убьёшь, то взамен одного их лукошко при-

будет, а после первого августа одного убей — лукошко их от страху погибает,— смеётся Саша.

— Здесь нам придётся заночевать,— решили ребята, подойдя к группе развесистых берёз.

— Место вполне подходящее,— говорил Гришуха.

— Трезор хвостом машет, стало быть, согласен с нами,— смеялись Саша с Павлом.

Отоптали траву, развели костёр, заготовили хворосту на ночь и легли отдыхать.

Гриша устроился поудобней и затянул песню:

Эх, ты, Талица-удалица!
Ты в пять концов раскинулась
По речке Мостовой,
Да, эх, Мостовой...

Звонкое эхо покатилось по лесу и где-то далеко замерло, а потом, как бы в ответ на песню со всех сторон донеслось вечернее курлыканье журавлей.

— А видал, Гриша, как журавли пляшут? — нарушил молчание Сашка.

— Вот ещё нашёл танцоров?! — рассмеялся Павлушка.

— Я серьёзно говорю. Мы с дедом как-то подкрались к журавлям на болоте, хотели подстрелить, смотрим, а они пляшут. Все стаей курлыкают, вверх прыгают, вправо, влево, один подле другого. Красиво! Нам жаль стало их стрелять.

Усталость, наконец, взяла своё, разговор затих, и ребята крепко заснули. Не слышали они криков филина, рёва козлов, не слыхали и того, как Трезор два раза урчал на кого-то: то ли волк близко подходил, то ли другой какой зверь.

Потух костёр, угли превратились в пепел, порозовел восток, взошло солнце. На поляну вышел лось. Подняв голову с огромными рогами, лось долго прислушивался, потом начал копытом бить по земле...

Трезор с громким лаем бросился к зверю.

Ребята, потревоженные лаем Трезора, вскочили, Саша схватился за ружьё — никого не видно, только слышен всё удаляющийся лай собаки.

— За кем он убежал? — гадали охотники.— Может, за волком?

— Задерёт его волк,— махнул безнадёжно рукой Павел.

— Волку мой Трезор не поддастся,— уверенно заявил Саша.

Трезор через некоторое время вернулся запыхавшийся, мокрый от росы, прыгнул на грудь хозяина и лёг у костра.

— Скажи, Трезорушка, за кем ты бегал? Ну скажи, родимый,— допытывались охотники, а собака преданно смотрела на ребят и виляла хвостом.

Позавтракали ребята ватрушками и направились искать Волчью падь.

Вскоре перед ними показалась низина. Вокруг стояли вековые осины, берёзы со стволами, покрытыми мохом и лишайниками, тальник, кочки с осокой, крапива, лабазник.

— Наверное, падь? — гадали путешественники.

— Нужно внимательно осматривать деревья, нет ли где гнезда,— напомнил Саша.

— Поднялся бы на самолёте — живо бы нашёл,— мечтал Павел.

— Не нашёл бы: самолёт летит быстро, мелькали бы верхушки деревьев — только и всего,— не соглашался Саша.— Ты скажи, где искать? Орлы любят места возвышенные, в болоте и в таком низком месте они гнездо не совьют. Такие места хороши для сов и сорок.

Пересекли падь. Места пошли еланистые, с перелесками. Ни порубок, ни дорог, ни стоянок косарей.

Шли долго, но гнезда всё не было.

Под вечер Саша вдруг вскрикнул: — Есть!

— Где?

— Смотри! Видите, орёл кружится?

Высоко в небе парил орёл.

— Будем наблюдать, куда он снизится.

— Дело к вечеру, в сторону гнезда должен лететь.

Стоят охотники, запрокинули головы и смотрят на парящего орла. А птица кружит и кружит, но заметно, что клонится на восток.

— Вот и идти нужно на восток,— решительно заявил Саша и, забыв усталость, направился вперёд.

Не прошли и километра по новому направлению, как вышли к речке.

— Здесь и заночуем,— сказал Гриша, облюбовав для ночлега место на крутом бережку под осинами.

— Стоянка веселее вчерашней,— согласился Сашка, ставя берданку к дереву.

На другое утро проснулись рано. Начали собираться и вдруг обнаружили, что Гришина сетка от комаров сгорела.

— Эх, ты, простофиля! Зачем её от костра не убрал? Как сейчас пойдёшь? — журили ребята Гришуху.

Пришлось парню намазаться мазью.

— Воздух совсем иной, вот что значит сосновый лес! — восторгался Гриша, отмахиваясь от комаров.

— А это что? Ура! Большое гнездо! — крикнул Саша и побежал к группе сосен.

Трезор уже кружился под соснами. В вершинах их послышалось хлопанье крыльев, и ребята увидели, как над ними закружился орёл.

— Вот это гнёздышко! Больше нашего сарая! — удивлялся Гриша, глядя на огромное гнездо,— кто полезет?

— Конечно, я,— заявил Саша.— А ты, Павлик, возьми ружьё, будешь отпугивать орла, если он станет нападать.

Первые сучья на сосне были высоко от земли, пришлось Сашку подсаживать. Хотя и трудно было подниматься, но парень уцепился за первый сук и начал подбираться к гнезду.

От гнезда пахло падалью. Заглянул Саша в гнездо и крикнул вниз:

— Два! В пере! Желторотые!

Схватил Саша одного орлёнка за шею, птица вцепилась когтями в руку, но на боль жаловаться некогда. С трудом стряхнул охотник добычу в мешок и начал поскорее спускаться.

— Держите мешок!

Гриша осторожно принял барахтающегося в мешке орлёнка.

Мешок завязали, прорезали дырочку, чтобы пленник не задохнулся, и отправились обратно.

Идти решили напрямик. Всё бы было хорошо, да на пути попалось болото. Думали, что оно узкое, но шли, шли, а конца всё не видно.

Вдруг Саша, перескакивая с кочки на кочку, шлёпнулся в воду, схватился за куст, но кустик вместе с Сашей погрузился в болотную грязь.

— Помогайте! Наверное, окно!

Павлушка живо срубил берёзку и бросил её другу, крикнув:

— Держись!

Вытянули Сашу из окна.

— Выходить нужно на сухое место, подсушиться,— сказал Саша.

Вернулись обратно.

— Всё высохнет, а за патроны боюсь,— говорил с тоской Саша, осматривая и очищая от грязи ружьё и сумку с патронами.

— Смотри-ка! Орлёнка комары тоже кусают, садятся у самых глаз и у клюва,— удивлялся Гришуха, воюя с комарами.

— А ты гони их. Его попоить нужно, а то он от жары подохнет.

Из фляжки ребята влили в рот орлёнку несколько глотков воды. Приведя себя в порядок, пошли в обход болота.

Обошли болото, пересекли несколько падей, а которая из них Волчья — неизвестно.

— Я, например, не знаю, куда мы путь держим. Наша Талица, по-моему, влево,— тревожился Павел.

— Помнишь, года три тому назад в этих лесах, заблудившись, погиб парень из Серковы? — продолжал Павел.

— Ты, Паша, в лесу мало бываешь. К лесу привыкнуть нужно. А серковским мальчиком нас не пугай: ему всего было девять лет, а мы уже взрослые,— ответил Саша.

Для ночёвки охотники выбрали густой таловый куст на кромке берёзовой рощи.

Разожгли костёр, заготовили хворосту. Чай не кипятили, а закусили остатками хлеба.

— Не нравится мне это место,— заявил Гриша.

— Место как место,— неопределённо ответил Саша.

— Рядом болото, с тылу лес,— продолжал

Гриша.— Трезор что-то подозрительно себя ведёт: всё нюхает, озирается.

Заметил и Саша странное поведение Трезора, но умолчал об этом, а для успокоения друзей сказал:

— Место ничего, давайте спать.

Сколько охотники спали—неизвестно. Вдруг яростно залаял Трезор, кинулся в рощу и оттуда послышался его визг, вперемежку с яростным рычанием какого-то зверя.

Ребята вскочили. Саша хотел выстрелить, но ружьё дало осечку. Павел бросился разводить огонь, но разве скоро вспыхнет потухший костёр? Чувствовалось, что Трезор ведёт смертельную борьбу.

Саша трясущимися руками перезаряжал ружьё.

Наконец бахнул выстрел и вспыхнул костёр.

Скоро, прихрамывая и скуля, вернулся к костру Трезор.

— Трезорушко! Трезор! — позвал Саша, наклонился над собакой и стал гладить её.

— Он весь изранен!

О сне не было и мысли. Наконец, рассвело.

— Ну, пошли! — первым поднялся Саша.— Трезор, за нами!

Саша идёт с ружьём наготове, Павел с топориком в руках, Гришуха с ножом.

Вот Трезор остановился, зарычал...

— Кто-то лежит!

— Волк?!

Придвинулись ближе: перед ними лежала мёртвая рысь.

— Трезорушко! Милый! Ты рысь победил! — ласкали охотники собаку.

— Вот это трофеи!

— Вот это добыча!

Сняли шкуру, Павел перекинул её через плечо, собрали все свои пожитки и направились дальше.

Шли весь день, а знакомых мест всё не встречалось.

Уже в зареве вечерней зари далеко-далеко над лесом маячила неясными очертаниями землемерная вышка.

— Ура! Вышку видно! — крикнул Саша, обернулся и обнял Павла.— Мы дома!

— Километров пять до неё будет, значит, до дому девять — ничего себе,— произнёс Гришуха.

— У вышки заночуем. Я больше ни шагу,—заявил Павел.— Трезор тоже со мной останется: видите, едва плетётся.

— Мы, Сашка, допустили ошибку,— промолвил Павел.

— Да?!

— Нужно было кусок мяса зажарить. Я сейчас только вспомнил, что мясо рыси съедобное и очень вкусное.

— От жаркого, пожалуй, я бы тоже не отказался, но ничего, потерпим,— заметил Гриша.

— Вот и наша Талица,— ответил Саша и показал рукой.

На юг от вышки, в низине, вдруг вспыхнули огни по всей Талице, во всех пяти улицах.

— Смотри, как красиво!

— А вот и небесная станция дала ток,— сказал Павел, глядя на небо, где засверкали первые звёзды.

Помолчали. Потом звонким тенором Саша запел свою любимую песню:

На опушке леса старый дуб стоит...
А под этим дубом партизан лежит...

Павел и Гриша подтянули:

Он лежит, не дышит,
Он как будто спит,
Золотые кудри ветер шевелит...

Песня неожиданно была прервана лаем Трезора. Потом раздался голос:

— Ну, здравствуйте, охотнички!

Это был Анисим Павлович.

...Прижился у ребят беркут. Сделали ему просторную клетку, кормили свежим мясом два раза в день. Кормил сам Саша. Идёт к орлу с кормом и кричит «да-а-ю-ю». Орёл всегда на этот крик бросался к мальчику. Ел орёл много. Приходилось ребятам ловить крыс, мышей, бить ворон, галок.

Потом приступили и к обучению. Дед купил 200 метров тонкого шнура, и стали ребята пускать орла летать на шнуре. Но шнур запутывался, а орёл рвался летать по-настоящему.

— Со шнуром плохо. Лучше бы, конечно, взрослого поймать, как киргизские охотники делают, но где взрослого изловишь,— рассуждал с ребятами дед.

Однажды Гришуха, державший в руках шнур, оплошал и упустил его из рук. Орёл взмыл в небо. Но крик в три горла «да-а-ю-ю!» вернул высоко поднявшегося беркута к ребятам.

— Дедушка! Дедушка! Орёл летал! Гришка отпустил шнур! Мы испугались! А вернулся. Съел мясо! — наперебой радовались ребята.

— Это хорошо. Сейчас у нас дело на лад пойдёт!

Когда выпал снег, начали дрессировать орла на зайца. На голову беркута дед сшил кожаный чехольчик. Трое суток держали беркута в нём, не поили, не кормили. На четвёртый день положили на салазки тушку зайца, вышли в поле. Беркут сидел на плече у Саши, шествие замыкал Анисим. На длинном шнуре салазки потащил Гришуха, Саша снял чехольчик, крикнул: «Да-а-ю-ю!»—орёл вспорхнул, начал подниматься выше и выше. Гриша бежал с санками, Саша, Павел и дед Анисим, затаив дыхание, следили за беркутом. Вот он сложил крылья и ринулся вниз на зайца. Подбежал Саша с куском мяса, досыта накормили орла. Так повторяли дрессировку много раз.

Прошёл год.

Саша, Павел и Гришуха пошли на первую серьёзную охоту с беркутом. Пошёл и дед с Трезором.

Прошли вышку, направились к ольховникам, вдруг из кустов на меже выскочила лиса. Саша скинул чехол, свистнул, все трое крикнули: «Да-а-ю-ю!» — поднялся орёл и закружил над полем, всё выше и выше, потом камнем ринулся к земле.

— За лесом! За лесом! — кричал Анисим Павлович, а ребята с Трезором уже бежали на помощь беркуту. Но помогать было нечего: беркут сидел на трупе лисы и рвал тёплое мясо.

Первым к орлу подбежал Трезор. Беркут вспорхнул, отлетел

в сторону и сел на вершину сухой осины. Павел поднял лису, а Саша побежал к беркуту.

— Да-а-ю-ю! Берко! Берко! — звал Саша, но орёл снова вспорхнул, покружил и полетел дальше, скрылся из глаз.

— Хотя и не говорил я вам, ребята, но частенько думал: будет ли такая гордая птица долго жить в неволе,— сказал дед.

— Жил больше году,— заметил Гриша.

— Жил. Набрал силы, сейчас без нас будет на воле жить.

Через неделю, когда Саша был в школе, к Анисиму прибежала ватага ребят с криком:

— Орёл! Беркут! Сашкин орёл!

— Где? — всполошился дед.

— У фермы, на берёзе! Скорее, дедушка! — кричали ребятишки.

— Может, не наш? — не верил дед.

— Сашкин! людей не боится!

Три друга из школы прибежали запыхавшиеся, в сопровождении шумливых ребят.

— Берко! Берко! Да-а-ю-ю! Да-а-ю-ю! — кричал Саша.

Услышал орёл свою кличку, поднялся с берёзы, дал круг над домом Анисима и опустился на свою клетку...

Принесли кусок мяса. Берко сейчас же сел на плечо хозяину.

— Попал, брат!

— Попал, беглец!

— Эх, ты, бродяга! — радовались ребята.

Отнёс Саша орла в клетку.

— Какой он лёгкий стал! Отощал!

Много раз ещё дед Анисим и ребята выезжали с орлом на охоту, били зайцев, лис, глухарей.

Но однажды отлетел беркут далеко, и какой-то охотник из другой деревни ранил беркута.

Вернулся орёл с окровавленной головой.

После этого начала птица чахнуть, чахнуть и погибла.

ШАЙТАН-КАМЕНЬ

Легенда

В. Шустов

В 1952 году вместе с пионерами 45-й школы города Свердловска я путешествовал по Уралу. Наш отряд побывал на озере Иткуль. Много замечательных, прямо-таки сказочных, мест увидели мы там, но больше всех заинтересовал нас Шайтан-камень.

Чем-то суровым, гнетущим веяло от громадного гранитного столба, возвышающегося над синими раздольными водами озера Иткуль. Голые потрескавшиеся бока камня похожи на сотни зубастых ртов. На нём —ни травинки. Только на самой верхушке стоит одинокое деревце — берёзка. На озере вода простиралась безбрежной ласковой гладью, а вокруг Шайтан-камня ки-

пели и клокотали волны. Они, ударяясь о выступы, оставляли на блестящей поверхности гранита белые хлопья пены.

По рассказам местных жителей, много легенд связано с Шайтан-камнем. Одну из этих легенд рассказал нам житель села Ключи Борис Юсупович Темербаев. Вот эта легенда.

Ой, давно это было. Очень давно. Пошло однажды беспокойное башкирское Счастье в лес на охоту. Пошло и заблудилось. Стали разыскивать его башкиры. Искали и на хребтах глухих таёжных и в непролазных дебрях. Но только силы зря потратили. Не нашли они Счастья. Не было его нигде. Горе и нужда жили кругом. Совсем измучился народ, смирился и хотел уже оставить напрасные поиски.

Но вот прошла молва, что кому-то всё же удалось найти Счастье. От селения к селению скакали конные. Они сообщали народу радость.

— Нашлось Счастье! Нашлось! —кричали всадники.— Живёт оно на южном скалистом берегу озера Иткуль. Все идите туда!

И вот поселились башкиры на берегу глухого таёжного озера. Недаром назвали они его Иткуль, что означает — Мясное озеро. Много рыбы было в воде — всем хватало. Только не долго башкиры жили счастливо. Налетели на Иткуль шайтаны — злые, жадные люди. Стали они отбирать и рыбу и снасти.

Пошли тогда старики на поклон к своему Счастью. Решили они просить Счастье поселиться вместе с народом. Вот пришли к скалистому берегу и видят: бьются на скале два великана. Один — богатырь, в боевой башкирской одежде, а другой шайтан, волосатый, с кривыми, как озёрные коряги, ногами. Ударятся великаны раз — взлетают под самые тучи обломки скал. Ударятся ещё — затрясётся земля, зашатаются деревья.

Долго наблюдали старики за битвой. Но вот закачался волосатый шайтан и упал. Упал и стал с плачем просить богатыря:

— Дай руку, помоги мне подняться. Ты сильнее меня. Я оставлю твой народ в покое и совсем уйду отсюда.

Протянул великодушный богатырь руку. Схватил её шайтан и рванул к себе. Вскрикнул богатырь и, как подкошенный, рух-

нул на гранит. Навалился шайтан на богатыря, завернул назад руки, подтащил к обрыву и бросил в воду. А чтобы не мог богатырь подняться, придавил огромной скалой. И с той поры зовётся эта скала Шайтан-камнем. На русском языке это означает — Чёртов камень.

В старое время башкиры часто ходили к Шайтан-камню, чтобы высказать своё горе схороненному под водой Счастью. Просили они богатыря подняться, стряхнуть с себя скалу, но так и не дозвались. Тогда башкирский народ собрал силы и решил добыть себе Счастье сам, в борьбе. Рука об руку с великим русским народом он завоевал себе новое, настоящее Счастье — Советскую власть.

Разогнало это Счастье с Иткуля злых шайтанов и, как солнце, осветило и согрело жизнь башкирского народа.

ПОКАЗЫВАЕТ Свердловск

Ф. Кислицын *Рисунки Б. Неткачева*

Первого января 1954 года в радиокабинете Свердловского Дворца пионеров было особое оживление. В гости к юным радиолюбителям пришло много ребят. На столе стоял необычный радиоприёмник. Это был телевизор КВН-49.

Все собравшиеся с нетерпением ждали начала передачи.

Взоры были устремлены на небольшой светящийся экран, который постепенно начинал «оживать». На нём появилась надпись:

Работает учебно-опытный телевизионный центр Свердловского областного радиоклуба ДОСААФ

С Новым годом.

Затем диктор объявил: «Сегодня впервые в Свердловске состоится официальная телевизионная передача. Будет передан фильм-спектакль «Учитель танцев».

В этот день зажглись экраны более 100 телевизоров, установленных на квартирах свердловчан.

Это был новогодний подарок членов секции телевидения Свердловского областного радиоклуба ДОСААФ.

Еще в 1951 году у членов Свердловского областного радиоклуба ДОСААФ возникла мысль построить любительский телецентр. На заседании совета клуба было принято решение создать секцию телевидения и поручить ей разработку проекта аппаратуры телецентра.

Члены секции съездили к харьковским радиолюбителям. Ознакомившись со схемами и работой Харьковского любительского телецентра, наши посланцы на обратном пути побывали на Московском телевизионном центре.

Началась упорная работа членов секции телевидения. Разрабатывались схемы, монтировались и тут же проверялись.

Одна из самых больших комнат радиоклуба превратилась в «цех-лабораторию».

Для того, чтобы приступить к монтажу, нужны были металлические «шасси» и «панели». За изготовление их взялись учащиеся ремесленного училища № 3. Под руководством мастера производственного обучения радиолюбителя Афанасия Кондратьевича Тонкова было изготовлено всё необходимое.

Опыта в телевидении у радиолюбителей не было, но благодаря их настойчивости в мае 1953 года была получена «картинка». Картинкой радиолюбители называют изображение, полученное на контрольном устройстве в аппаратной телецентра. Качество «картинки» было вполне удовлетворительным. Теперь надо было передать изображение в эфир, чтобы принять его на телевизорах, установленных в квартирах. Для этого нужны передатчик и антенна.

Прошло ещё несколько месяцев упорной работы. В изготовлении металлических конструкций опять помогли учащиеся РУ № 3. Когда передатчики были готовы, над крышей здания, где размещён телецентр, уже возвышалась необычная для Свердловска антенна.

И вот в один ноябрьский вечер наступил торжественный момент: передатчики включены, началась техническая проба.

В этот вечер в ряде квартир были установлены телевизоры.

По телефону с этих «контрольных пунктов» поступали сообщения о качестве приёма. Звонили с Уралмаша, Химмаша, Виза и с других концов города. Все сообщали, что качество приёма вполне удовлетворительное.

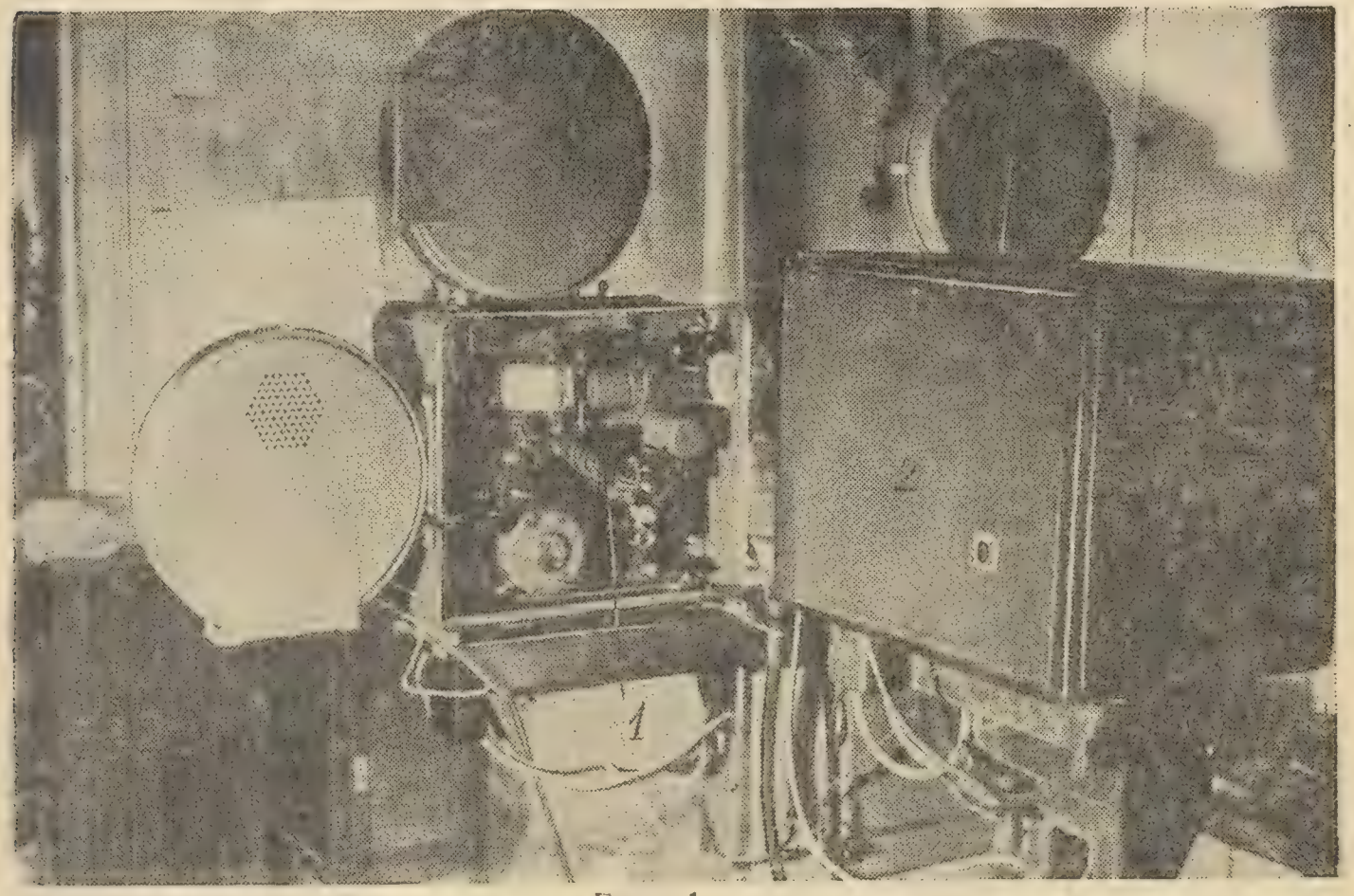


Рис. 1.

Победа одержана! Сдан серьёзный экзамен — своими руками построен любительский телецентр!

Учитывая хорошее качество передачи любительского учебно-опытного телевизионного центра, партийные и советские организации поставили перед радиолюбителями задачу использования его для телевизионного вещания. С 1 января 1954 года любители приступили к выполнению этой почётной задачи.

Так вступила в строй первая очередь любительского телецентра.

Исполнительный комитет областного Совета депутатов трудящихся и областной комитет ДОСААФ основную группу строителей наградили ценными подарками, каждому из них вручён телевизионный приёмник КВН-49.

Как же устроен любительский телецентр?

Наш любительский телевизионный центр ведёт только передачи кинофильмов, так как студия ещё не готова.

В кинопроекционной установлены два широкоплёночных кинопроектора (рис. 1). Экрана, который мы привыкли видеть в кинотеатрах, здесь нет.

Рядом с кинопроекторами на отдельном постаменте установлена телевизионная кинокамера (камера иконоскопа). Отсюда кинофильм начинает своё путешествие на экраны телевизоров.

Дежурный киномеханик включает киноаппарат, изображение через объектив проектируется на маленький, специально устроенный экранчик-фотокатод передающей электронно-лучевой трубки, который состоит из слюдяной пластинки размерами 100×110 миллиметров, покрытой слоем мельчайших зёрен серебра, обработанных цезием (этот слой носит название «мозаика»). С мозаики электронный луч иконоскопа «снимает» изображение и преобразовывает его в электрические сигналы (рис. 2).

Затем это преобразованное изображение по специальному высокочастотному кабелю отправляется в аппаратную телецентра на усилительные и контрольные устройства (рис. 3).

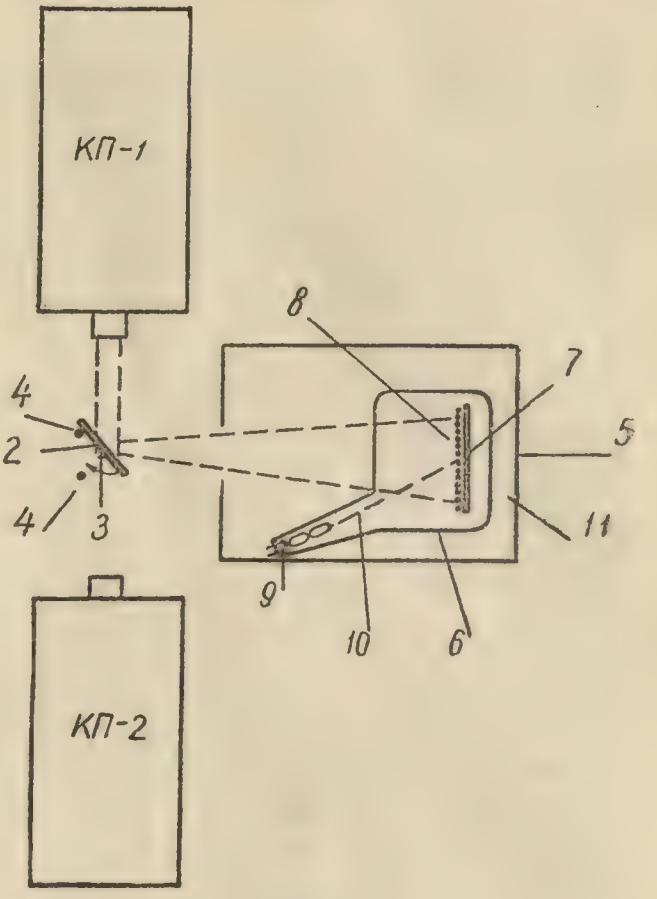


Рис. 2.

1. КП-1 и КП-2 — кинопроекторы; *2* — поворотное зеркало (оптический коммутатор); *3* — ось поворотного зеркала; *4* — ограничители поворота зеркала; *5* — телевизионная кинокамера (камера иконоскопа); *6* — электроннолучевая трубка (иконоскоп); *7* — фотокатод; *8* — мозаика; *9* — катод иконоскопа, излучающий электроны; *10* — электронный луч; *11* — зажим (контакт), на который поступают с фотокатода электрические сигналы, полученные от преобразования изображения, дальше эти сигналы идут на предварительный усилитель и в аппаратную.

Качество телевизионной передачи в основном зависит от качества работы аппаратной.

Дежурный оператор, ведущий передачу, видит на контрольном устройстве № 1 изображение таким, каким оно должно быть на экранах телевизоров, а на контрольном устройстве № 2 — форму электрических сигналов, получаемых от преобразования изображения, и может внести соответствующие поправки.

Отсюда, из аппаратной, осуществляется управление работой всех телевизоров, ведущих приём телепередачи. Специальный синхрогенератор вырабатывает и посылает в эфир через передатчик и антенну сигнал-импульс, который управляет кадровой синхронизацией телевизоров. Допустим, что этот кадровый синхроимпульс был совсем не послан в эфир, или послан очень слабый, тогда на экранах телевизоров изображение окажется половинчатым по горизонтали или же начнёт передвигаться по экрану вверх или вниз. Синхрогенератором вырабатывается и другой сигнал, который называется строчным синхроимпульсом, и если с ним произойдёт то же, что с кадровым, то на экране телевизоров появятся горизонтальные полосы или же ломанное по вертикали изображение. Дежурный оператор аппаратной на контрольных устройствах № 3 и 4 видит форму строчного и кадрового синхроимпульсов и поворотом соответствующей ручки вносит поправки.

Схема телевизионной аппаратной сложная, здесь одновременно работает более 100 радиоламп. Аппаратная требует квалифицированного обслуживания, дежурный оператор должен быть инженером-телевизионщиком или опытным в области телевидения радиолюбителем.

Изображение и звук, преобразованные в электрические сигналы и сигналы кадровой и строчной синхронизации, отправляются из аппаратной по специальным кабелям в дальнейшее путешествие — в помещение передатчиков, которое находится на шестом этаже этого же здания.

Познакомимся с передатчиками.

В просторной светлой комнате установлены передатчики телецентра: большой передатчик изображения и выпрямители к нему, а также значительно меньший по размеру передатчик зву-

кового сопровождения. Техника передачи звука значительно проще, чем техника передачи изображения.

Для питания анодов радиоламп передатчиков требуется электрический ток высокого напряжения. Установленный здесь выпрямитель получает из электросети ток напряжением 220 вольт, повышает до 4000 вольт, выпрямляет его в постоянный и подаёт для питания передатчиков. Такое напряжение опасно для жизни обслуживающих, а поэтому согласно требованиям техники безопасности доступ за передатчики ограждён сеткой и сделана дверь, которую открыть невозможно, пока не выключишь выпрямитель.

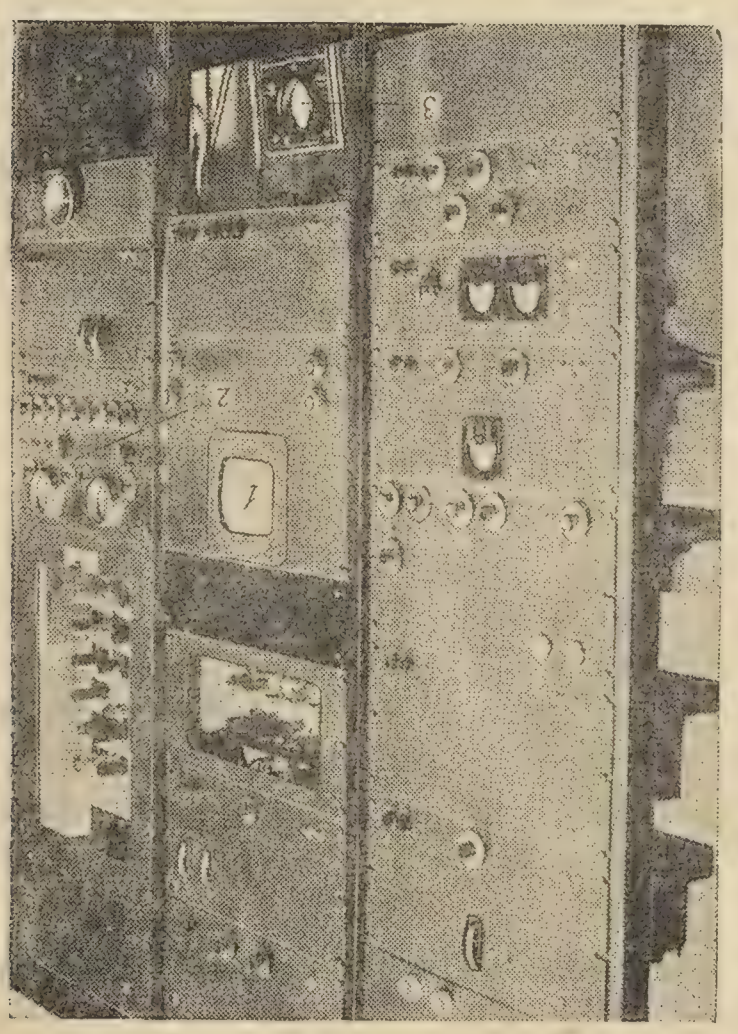


Рис. 3.

Передатчики изображения и звукового сопровождения вырабатывают ток, называемый током несущей частоты, который необходим как транспортное средство для того, чтобы отправить полученные из аппаратной изображение и звук, преобразованные в электрические сигналы, а также кадровые и строчные синхроимпульсы до телевизоров, установленных на квартирах.

Электрические сигналы, полученные из аппаратной, поступают на модулятор передатчика и через него совершают посадку на высокую (несущую) частоту передатчика, или, как принято называть в радиотехнике, «модулируют» её, и вместе отправляются для дальнейшего путешествия в антенну.

Измерительные приборы и контрольные устройства дают возможность дежурному оператору видеть качество передачи и вносить нужные поправки.

Чтобы повысить коэффициент полезного действия передатчика, его лучше размещать как можно ближе к антенне. Наши передатчики находятся на шестом этаже, то есть в верхнем этаже здания, на крыше которого установлена передающая антенна.

А сейчас познакомимся с этой антенной (рис. 4).

Для того, чтобы поступившие с передатчиков электрические сигналы, полученные от преобразования изображения и звука, отправить в эфир, нам нужно их преобразовать ещё раз. В этом нам на помощь приходит антенна. Электрические сигналы, поступающие в антенну, создают вокруг неё электромагнитные колебания (так называемые радиоволны), которые распространяются от антенны во все стороны со скоростью 300 000 километров в секунду.

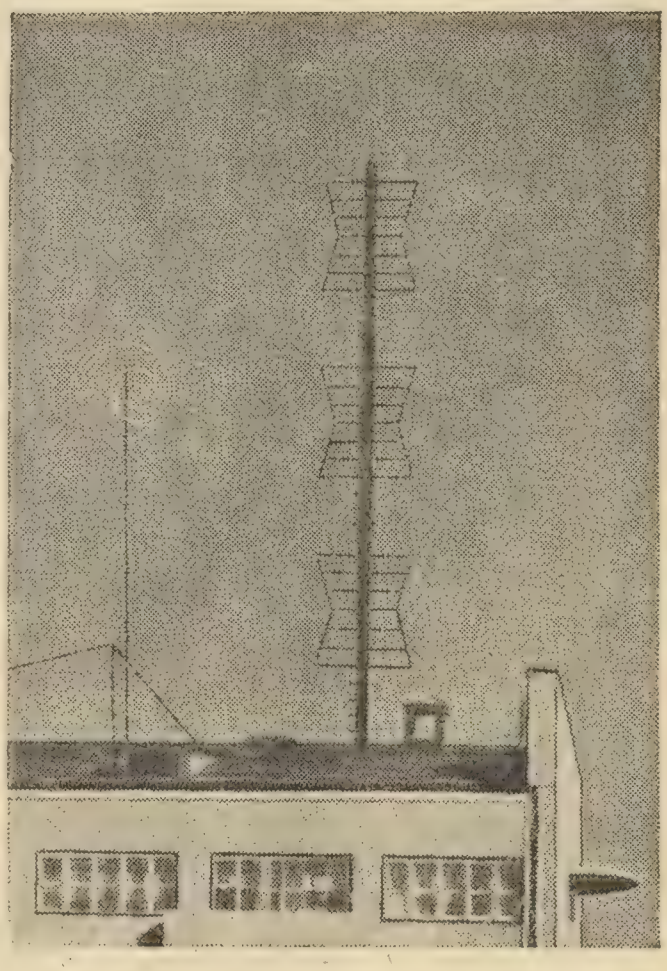


Рис. 4.

Специальная конструкция антенны позволяет увеличить коэффициент полезного действия передатчиков, то есть увеличить мощность излучаемых антенной радиоволн, а следовательно, и расстояние, на котором можно принять наши телевизионные передачи.

На снимке вы видите антенну любительского телевизионного центра. Мачта антенны изготовлена из труб диаметром 300 миллиметров. На ней приварены три яруса «лепестков», изготовленных из круглого железа толщиной в 20 миллиметров.

Именно эти лепестки и являются антенной. Через нижний ярус лепестков ведётся передача звукового сопровождения, а через верхний и средний ярусы передаётся изображение, кадровые и строчные синхроимпульсы.

Преобразованные в электромагнитные волны изображение и звук отправились в эфир. На пути они встречают антенны телевизоров, установленных в радиусе действия телецентра, и при помощи этих антенн преобразуются снова в электрические сигналы, которые поступают в схему телевизоров. В телевизоре сигналы изображения при помощи электроннолучевой трубки (кинескопа) преобразуются в изображение, а сигналы звукового сопровождения динамиком, установленным в телевизоре, преобразуются в звук. Так кинофильм, переданный из кинопроекционной телецентра, заканчивает своё путешествие, а телезрители получают возможность просмотреть его, не выходя из квартиры.

Определение качества телепередачи производится на специальном, вынесенном, контрольном пункте. Вынесенным он называется потому, что находится за несколько кварталов от телецентра. Здесь установлены телевизоры «Зенит» и КВН-49, дежурный оператор смотрит передачу сразу на двух телевизорах, о недостатках (искажениях) передачи сообщает по телефону дежурному оператору аппаратной телецентра, который вносит соответствующие поправки.

В Свердловске в саду имени Павлика Морозова выстроен телевизионный центр Министерства связи. Первая очередь телецентра уже начала работу. Любительский телецентр выполнил свою задачу. Вся его аппаратура будет передана в г. Краснотурьинск — на родину изобретателя радио А. С. Попова.

В ПАВИЛЬОНЕ ЮННАТОВ

И. Казанцева *Рисунки В. Крылова*

На северной окраине Москвы раскинулся чудесный город — Всесоюзная сельскохозяйственная выставка.

Здесь, в дворцах-павильонах, сосредоточены богатства шестнадцати дружных сестёр-республик, великолепные плоды науки и труда, созданные народом.

В прекрасном сказочном городе немало чудес. Разве не чудо — вырастить пшеницу, кукурузу, коноплю высотою с дерево? Разве не чудо — овца, из настриженной шерсти которой можно сделать шесть-семь мужских костюмов? Ни в одной сказке не услышишь о таком богатстве и разнообразии машин, облегчающих человеческий труд!

Тысяча триста сельскохозяйственных машин! Сто из них совсем новые, недавно выпущенные заводами, показываются

впервые: универсальный дизельный трактор, усовершенствованный кукурузоуборочный комбайн, доильная установка, с помощью которой можно доить не одну корову, а целое стадо, и ещё множество интересных и умных машин.

Всесоюзную сельскохозяйственную выставку называют Народной академией. Многому тут можно научиться, многое узнать! В 1955 году на выставке участвовало более двухсот тысяч человек. И среди них немало юных натуралистов. Только от Свердловской области на выставке участвовало 544 юнната.

Первый кружок юннатов был организован в 1918 году в Москве, в Сокольниках, на биологической станции юных любителей природы. Много времени прошло с тех пор. Сейчас таких кружков насчитывается уже более шестидесяти тысяч. Около двух миллионов любознательных школьников, занимаясь в этих кружках, знакомятся с основами мичуринского учения, приучаются к сельскохозяйственному труду.

На выставке для показа достижений юннатам предоставлен специальный павильон — «Юные натуралисты». Он создан по проекту молодых архитекторов, группы аспирантов Московского архитектурного института.

В красивом белоснежном здании, украшенном высокой ажурной аркой, всегда много посетителей—и взрослых и ребят. В павильоне семь залов: вводный, центральный, зал юных техников, юных животноводов, юных растениеводов, оранжереи и залы для демонстрации кинокартин, проведения массовых мероприятий, где юные натуралисты слушают лекции, доклады, встречаются с учёными, передовиками сельского хозяйства, знатными людьми.

Вводный зал, украшенный большими панно, рассказывает о счастливом детстве советских ребят, о повседневной заботе Коммунистической партии и советского правительства о детях, об их здоровье, учебе и отдыхе.

В центральном, круглом зале собраны интересные и разнообразные экспонаты, отображающие плодотворную работу юных натуралистов.

Кукуруза —замечательное растение. Её зерно, зелёные стебли и листья богаты питательными веществами и являются пре-

восходным кормом для животных. Значит, чем больше кукурузы на полях, тем больше у нас будет высокоудойных коров, жирных свиней и гусей. В постановлении январского Пленума ЦК КПСС сказано: «Кукуруза, как наиболее урожайная культура, должна получить широкое распространение во всех районах страны».

Кутузовская семилетняя школа Московской области стала известна в стране благодаря умелому возделыванию кукурузы. Ребята этой школы вывели новый гибридный сорт кукурузы — Кутузовку, который в условиях подмосковного климата хорошо растёт и достигает молочно-восковой спелости. В течение трёх лет они добивались получения такого сорта. Лучшие семена Кутузовки школьники передают соседнему колхозу.

Кукуруза — лучшая кормовая культура, но из неё можно получить ещё много других продуктов. Вот наглядное пособие, на котором расположено 68 продуктов, получаемых из кукурузы,— крупа, мука, сахар, крахмал, тонкая бумага и т. п. Всего можно получить до 150 продуктов.

Ребята Пружанской средней школы № 2 из Белоруссии хорошо потрудились и получили высокие урожаи ржи, овса, картофеля, баклажан. Для колхоза имени XIX съезда партии они изготовили 20 тысяч питательных кубиков, необходимых для выращивания рассады овощей, собрали 12 тонн золы для удобрения, вырастили и посадили в колхозном саду 255 кустов чёрной смородины и 380 саженцев яблони, убрали с поля 30 гектаров картофеля.

Помогают колхозникам выращивать хлопок ребята ферганской школы из далёкого Узбекистана. Хлопок — важное и ценное сырьё для текстильной промышленности. Его не зря называют «белым золотом». Только из одной тонны хлопка можно получить 3—4 тысячи метров ткани, 100 килограммов растительного (пищевого и технического) масла, 250 килограммов жмыха, ценного корма для скота.

Группами и в одиночку ходят по залам павильона экскурсанты, осматривая труды юных натуралистов. Девушка-узбечка с множеством косичек, в пёстром национальном костюме, заинтересовалась пособиями по ботанике, сделанными учащимися школы № 4 города Калуги и московской школы № 722. Цветы,

засушенные в специально подготовленном песке, сохранили свою форму и естественный цвет. Как только что сорванные, выглядят астры и ветка сирени.

Под стеклянными колпаками демонстрируются коллекции цветов, бабочек. Интересны опыты, доказывающие влияние фитонцидов лука, хрена, чеснока на сохранность фруктов и овощей. Фитонциды — это летучие вещества, выделяемые растениями.

— Что это? — спрашивает узбечка у экскурсовода, показывая на почерневшее содержимое под колпачком.

— Это—испортившиеся ягоды крыжовника и смородины,— отвечает экскурсовод.— А вот под другим колпачком такие же ягоды с фитонцидами хрена. Они хорошо сохранились, хотя находятся под колпачком уже четыре года.

Галя Орлова из Костромы вырастила огромную тыкву весом в 42 килограмма. Двое подростков с удивлением рассматривают этот экспонат. Один из них смеясь замечает:

— Ого! Эта тыква имеет мой вес!

В зал вошла группа ребят. Это приезжие из Свердловска и Свердловской области. Молодая девушка-экскурсовод, остановившись возле стендов Харьковского и Тбилисского дворцов пионеров, рассказала об их экспонатах.

— А сейчас,— сказала она,— в наплывном аппарате вы увидите работу вашего, Свердловского Дворца пионеров.

Она нажала кнопку, и на небольшом экране наплывного аппарата, напоминающем экран телевизора, начался рассказ о юннатах Свердловска. В юннатских кружках дворца занимается более двухсот учащихся. Вот уже несколько лет ребята выращивают в условиях уральского климата кукурузу. Они сеяли её на участке семенами и выращивали рассадой, чтобы сравнить, какая кукуруза лучше растёт. Благодаря умелому уходу стали созревать початки длиною до 25 сантиметров, а на некоторых растениях развивается по 3—4 початка.

Юные садоводы выращивают новые сорта яблок, вишен, создают гибриды помидоров, выращивают лимоны из черенков и виноград.

Уже четыре года Нина Макушина, Валя Чеснокова и Рита Бурмагина занимаются в кружке. Нина выращивает саженцы

яблони, делает прививки на деревьях с мелкоплодными сортами, Валя заботливо разводит землянику, Рита за получение скороспелых и морозостойких дынь, за изготовление учебно-наглядных пособий и за хорошее выращивание рассады цветов посевом в грунт награждена медалью участника ВСХВ.

Во втором наплывном аппарате показана работа Свердловской областной станции юных натуралистов (директор станции Н. Н. Барабанова).

В двадцати пяти постоянно действующих кружках занимается 375 юннатов. Большая группа ребят была удостоена в этом году чести быть участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Лучшие из них награждены медалями. Своими достижениями могут гордиться и овощевод Тамара Харитонова, сумевшая получить при квадратно-гнездовом способе высокие урожаи пшеницы, томатов, моркови, и садовод Инна Филатова, которая выращивает отводки с маточных кустов смородины, и цветоводы Лида Лисицына и Людмила Мирополь-ская, занятые разведением декоративных цветов,— флоксов, тюльпанов, гладиолусов и георгинов.

В следующем зале сосредоточены машины. Сделаны они не на заводах, а в кружках юных техников. Очень хороши работы Омской станции юннатов. Ребята создают действующие модели, разрабатывают новые конструкции малогабаритных машин для механизации работ на своём школьном участке и участвуют в ремонте настоящих больших машин.

Действующие модели электротрактора и картофелесажалки СКГ-4 выполнены кружковцами Свердловского Дворца пионеров.

Необычен экспонат горьковских школьников. Его не привезли и не прислали по почте, он приехал сам, да ещё привёз своих творцов. Это — настоящая маленькая грузовая машина ГВ-39-00. Её сделали юные техники Автозаводского Дома пионеров. Восемь ребят, среди которых был свой «главный инженер» и свой «главный конструктор», под руководством В. Г. Дворникова из автомобильных частей различных машин, рамы своей конструкции и кузова создали очень удобную машину, которая покрыла без аварий расстояние в 453 километра

от Горького до Москвы. Новая машина марки «Юный техник» имеет паспорт. Её грузоподъёмность 0,5 тонны, максимальная скорость 50 километров в час.

На площадке у павильона стоит двухметровая мачта ветродвигателя Новочеркасской станции юных техников из Ростовской области. Мощность ветроэлектростанции 240 ватт.

У художественно выполненной диарамы школьной гидроэлектростанции, через плотину которой течёт настоящая вода, задерживается каждый посетитель. Это — макет, а настоящую школьную гидроэлектростанцию на реке Быстрице построили учащиеся и преподаватели Быстрицкой семилетней школы Украинской ССР. Сейчас их станция даёт ток для освещения школы, клуба, домов колхозников и является гордостью села.

Юннаты Шунгенской школы Костромской области взяли шефство над молодняком. Они вырастили 25 крепких и здоровых телят. Благодаря заботливому и терпеливому уходу, основанному на правилах науки, их животные имеют среднесуточный прирост до 900 граммов вместо 650 граммов по норме.

В зале животноводов демонстрируется также работа птицеводов, шелководов, зоологов.

Юные мичуринцы помогают украсить Родину садами. Всё дальше на север, на Урал, в Сибирь, в Приморский край продвигаются мичуринские сорта, новые ценные морозостойкие гибриды.

Стенды, диаграммы, альбомы отображают большую работу и успехи мичуринцев. Но лучшее украшение зала — экспонаты. Крупные краснобокие яблоки, спелая клубника, сочная вишня, смородина, крупные овощи, жёлтые, с перламутровым отливом початки кукурузы — всё это вырастили юннаты.

Правильно и во-время составленная сводка погоды — предупреждение о дождях, о заморозках — помогает сохранить высокий урожай. В школе села Тимохино, Свердловской области, под руководством преподавателя физики И. Н. Пучкова работает кружок юных синоптиков и метеорологов. В течение семи лет кружковцы ведут наблюдения за погодой. Определяя состояние погоды на два-три дня вперёд, они составляют специальные бюллетени, а о приближении заморозков предупреждают близлежащие колхозы.

Заканчивая осмотр павильона, всякий обратит внимание на стенд с портретами бывших юннатов. Сейчас многие из них стали активными работниками колхозного строительства, учителями, агрономами, зоотехниками, мастерами высоких урожаев. Есть среди них и учёные, такие, как лауреат Сталинской премии, кандидат сельскохозяйственных наук К. К. Еникеев, и другие.

В книге отзывов павильона можно прочесть много восторженных записей на русском, украинском, армянском, латышском, киргизском и многих других языках народов, населяющих нашу необъятную Родину. Оставляют в ней свои записи и иностранные гости, проявляющие большой интерес к выставке.

И, как призыв молодого поколения к труду и новым большим делам, вспоминаются слова великого Горького:

«Мы верим, что из пионеров и школьников, юных опытников, советская страна получит десятки, а может быть, и сотни мичуринцев, которые дадут человечеству не только новые приёмы возделывания сельскохозяйственных культур, стимулирующие урожайность, но и изобретут новые культуры и сорта растений. Они произведут революцию на полях, в садах и огородах».

КОТЁНОК

Г. Шумилов *Рисунки Ю. Сидоровича*

На фасаде высокого здания большими накладными буквами написано: «К л у б». На верхней боковой палочке буквы «К» сидел котёнок, смотрел вниз и жалобно мяукал.

Как он попал туда, трудно сказать. Видимо, по водосточной трубе.

Первыми заметили его Валька и Костя — мальчики из многоквартирного дома напротив.

Закинув голову и прикрывая рукой глаза от солнца, Валька пристально всмотрелся и воскликнул:

— Это же Иринкин котёнок, его со вчерашнего дня ищут, с ног сбились!

Иринкой звали девочку, живущую через дом. Ранней весной она нечаянно провалилась по пояс в яму, заполненную холодной, как лёд, водой, заболела острым ревматизмом и вот уже второй месяц лежит в постели.

Днём, когда мама была на работе, а подружки в школе, Иринка коротала время с котёнком и сильно к нему привязалась: играла с ним, наряжала в смешные одежды, сшитые из разноцветных лоскутов, и даже разговаривала от скуки.

Вчера Иринка, наигравшись своей живой куклой, заснула. Котёнку, видимо, показалось скучно, и он сбежал.

Иринка проснулась, не дозвалась его и стала плакать. Соседи приносили ей другого, очень красивого котёнка, но она не взяла, требуя своего. А он оказался вон где!

— Давай, Костя, снимем котёнка с буквы, Иринка, знаешь, как обрадуется,— предложил Валька.

Костя согласился, и ребята тут же составили спасательную команду, включив в неё друг друга. Правда, немного попоздней вступить в спасательную команду и забраться на крышу порывались ещё и другие ребята, но все они были остановлены в дверях клуба неумолимой тётей Глашей, клубной дворничихой.

— Ладно, хватит и двоих,— отвечала тётя Глаша на просьбы ребят.— Чем вас больше, тем порядку меньше. Кучей-то заберётесь туда, спасатели, ещё котёнка столкнёте, он зашибётся. Отваливайте, отваливайте, лучше снизу поболейте: и для вас безопасно, и у меня сердце на месте будет.

Так никого и не пустила.

А события продолжали развёртываться своим чередом. Пока Валька и Костя взбегали на пятый этаж, потом на чердак, а оттуда вскарабкались на крышу, внизу собралась уже порядочная толпа: мальчики и девочки из соседних домов, услышавшие, что нашёлся Иринкин котёнок, старушка в старинном пенсне с пружинкой, молодая женщина с ребёнком на руках, лысый мужчина в чесучовом кителе с женой. Она тянула его за рукав, побуждая идти дальше, но он решительно высвободил руку.

— Оставь, тут живое существо гибнет, а ты — пойдём,— сказал он и уселся на скамейку около дома.

По краю клубной крыши было устроено ограждение из железных прутьев, поэтому мальчикам не понадобилось привязы-

ваться. Они осторожно спустились на край крыши у того места, где сидел котёнок и, держась за поручни, посмотрели вниз. Ух, как высоко!

Люди, стоявшие внизу, казались маленькими, приплюснутыми. Загорелая лысина мужчины в чесучовом кителе ослепительно блестела под солнцем. На голове Симы Голубковой, вертлявой девочки, соседки Кости по квартире, ярко алел большой шёлковый бант, и ребятам казалось, что там внизу порхает от одной девочки к другой только этот бант, самой же Симы почти не было видно.

Буквы, где сидел котёнок, здесь вблизи оказались огромными и толстыми. По их кромкам можно было свободно ходить не только котёнку, но даже мальчику.

— Эй, ребята, смотрите, не сорвитесь! — крикнул мужчина из окна третьего этажа.

— Постараемся,— весело ответил Валька.

Котёнок, привлечённый грохотом железа под ребячьими ногами, поднял кверху мордочку, увидел ребят и ещё сильнее замяукал.

— Ну, ну, не реви, залез, так терпи, скоро мы тебя снимем,— успокаивал его Валька.— Давай сюда, Костя, швабру.

Собственно, это была уже не швабра, потому что щетина у неё полностью отсутствовала. Но в хозяйстве у тёти Глаши ничего не пропадало: намотав на деревянное основание швабры мешковину, она мыла клубные полы. Удобно, нагибаться не надо!

Вооружившись шваброй, Валька рассчитывал, что подведёт деревянное основание щётки вровень с котёнком, тот перейдёт на него и будет спасён: перехватывая палку, ребята поднимут котёнка на крышу.

Внизу поняли замысел ребят.

— Осторожней, ребятки, не сбейте его. Вот так, подводи, подводи тихонько! — шумел мужчина в чесучовом кителе, соскочив со скамейки.

— Не кричите вы ему под руку, пожалуйста,— запротестовала женщина с ребёнком,—мальчишка и сам может сорваться. С земли-то легко командовать...

— Да я ничего,— смутился мужчина.

В это время Валька опустил основание швабры вровень с котёнком.

— Давай лезь, верхолаз несчастный, я тебя сейчас сниму!

Но котёнок оказался совсем легкомысленным. Он перестал мяукать и вместо того, чтобы последовать совету мальчика, перевернулся на спину и начал играть, цепляясь лапками за швабру.

— Чего вы там долго копаетесь! — нетерпеливо крикнул кто-то из толпы,— тащите его к себе на крышу.

— Тащите, тащите,— с досадой крикнул Костя,— а он не хочет тащиться, он перевернулся вверх ногами и играет.

— Ну и чадушко растёт, как его Иринка-то избаловала,— сделала вывод Сима Голубкова.— А вы, ребята, вплотную швабру-то к букве подведите, он сам на неё перекатится,— посоветовала она.

Однако как Валька ни старался, ничего не выходило. Котёнок лежал и помахивал всеми четырьмя лапами. Вальку сменил Костя, но и он не добился успеха. Ребята решили отдохнуть и подняли швабру на крышу. Котёнок полежал немного, а потом перевернулся на ноги и снова начал мяукать.

Публика ещё больше заволновалась. Стали обсуждать, что же делать дальше, и в конце концов сошлись на предложении старушки в пенсне.

— Раз он мяукает, значит, хочет есть. Надо подманить его молоком.

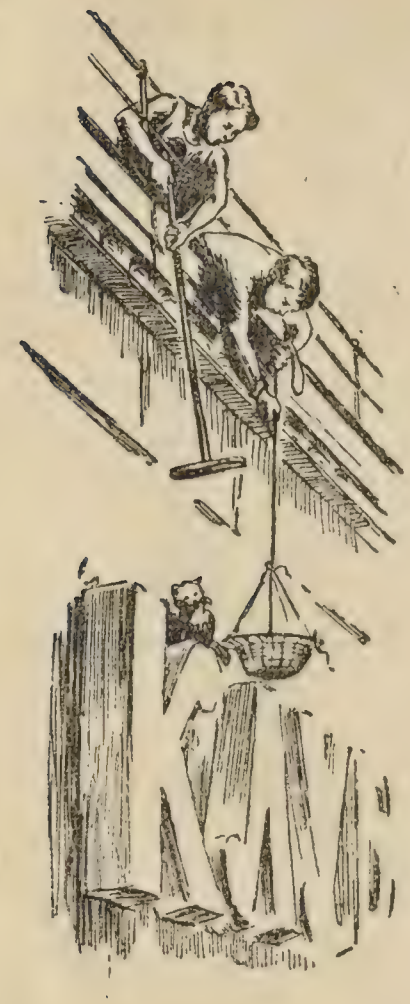
О решении сообщили ребятам на крышу. Они согласились, и Костя отправился книзу, за молоком.

Сима Голубкова с подружкой сбегали домой, налили полблюдечка молока, поставили его на дно проволочной корзинки, а к ней привязали три конца шпагата. Получилась глубокая люлька.

Это сооружение вручили Косте, который стоял на тротуаре, то и дело поглядывал кверху и от нетерпения переминался с ноги на ногу, словно бегун перед стартом.

— Что так долго? Вас только за смертью посылать,— сделал он выговор девочкам и, не дожидаясь ответа, кинулся в клубный подъезд.

— Смотри, Костю-то нашего словно подменил кто,— сказа-



ла Сима подружке,— каким покровителем домашних животных сразу сделался. Просто удивительно! А то ведь кошки и собаки за километр его обходили. Чудеса в решете!

Действительно, Костя не питал нежности к нашим домашним друзьям. Собак он ещё побаивался, вдруг укусят, а кошкам частенько крутил хвосты.

Приняв у Кости корзинку, Валька спустил её к котёнку, но тот не прельстился и молоком: он не прыгнул в корзинку, как от него этого ожидали, а снова перевернулся на спину и начал хвататься за шпагат лапами.

Тогда ребята решили действовать сообща: Валька держал корзинку чуть пониже котёнка, а Костя черешком швабры стал осторожно подталкивать котёнка в корзинку. Но котёнок совсем разыгрался: цеплялся коготками то за шпагат, то за черешок и даже хватал его зубами, а в корзинку никак не лез.

Ребята даже вспотели от напряжения и подняли свои приспособления кверху.

Не видя игрушек, котёнок резко перевернулся и... полетел вниз. Толпа ахнула. Ребятам на крыше сразу стало как-то холодно.

— Держите его! — крикнула интеллигентная старушка и закрыла лицо руками.

А котёнок долетел до растущего внизу клёна, но не удержался в ветвях и упал на землю.

— Убился, убился,— загалдели ребятишки и бросились к нему.

Старушка так и стояла с закрытым лицом, пенсне у неё соскочило с носа и болталось на чёрном шёлковом шнурочке, а мужчина в чесучовом кителе схватился обеими руками за голову и качал ею из стороны в сторону.

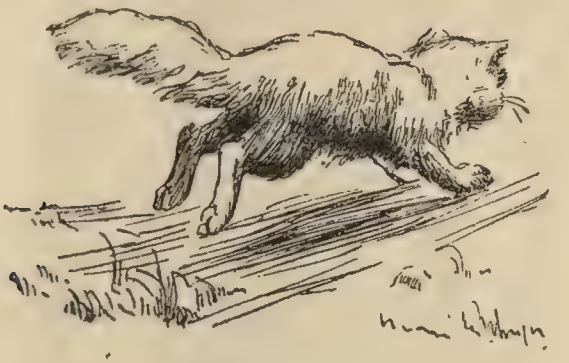
Но котёнок по своему кошачьему обыкновению упал на

лапы. Несколько секунд он не двигался, видимо, приходил в себя, а потом побежал мимо изумлённых ребят, виновато поджав хвост, и шмыгнул в свой подъезд. Только его и видели.

— Вот это циркач! — с восхищением крикнул с крыши Костя.

— Ну и скотинка,— облегчённо вздохнул мужчина в чесучовом кителе, отирая вспотевшую лысину.

Толпа стала расходиться.



Хочу учиться

Н. Павчинская *Рисунки Е. Гилёвой*

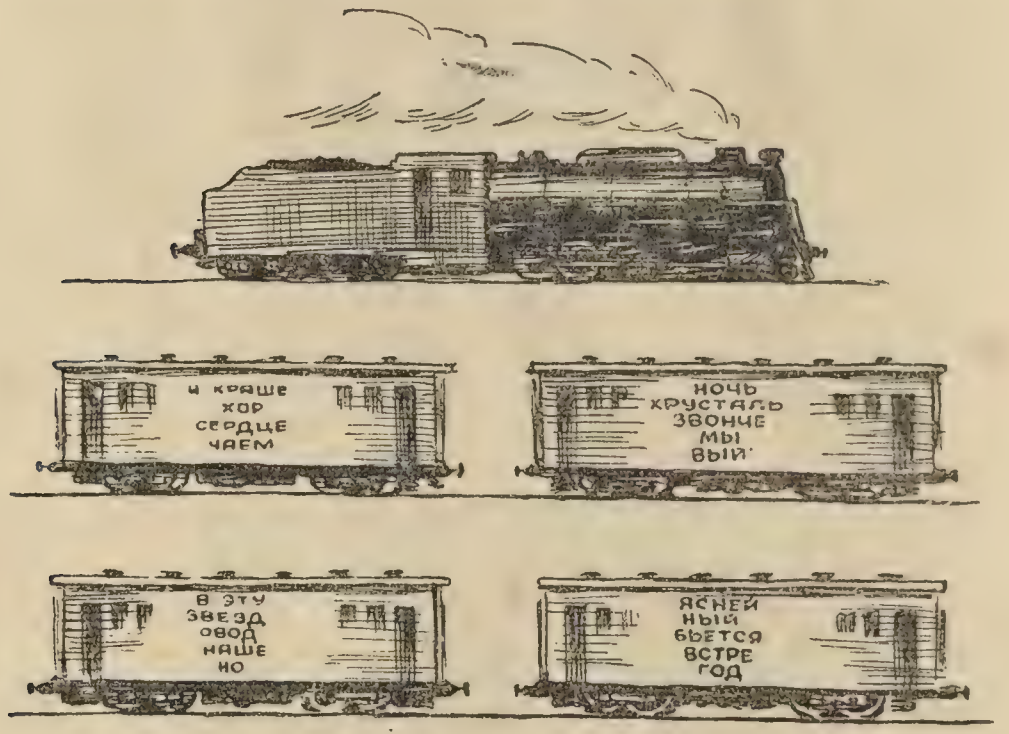
Я добыл себе тетрадку,
У меня и ручка есть,
Вот теперь могу я с братом
За уроки вместе сесть.
Очень я сперва старался,
А потом совсем устал —
Целый вечер я в тетрадке
В клетках палочки писал.
Вышли палочки кривые,
Не хотят они стоять,
И решил я рядом с ними
Пароход нарисовать.
А потом на стол чернила
Я нечаянно пролил
И в конце листочка кляксу
Пребольшую посадил.
Больше я писать не буду,
Буду лучше я считать:
Мне сейчас четыре года,
Через год мне будет пять.

Быстро год ещё пройдёт —
Мне седьмой уже пойдёт.
А когда мне будет семь —
Буду я большой совсем.
Вот тогда я вместе с братом
Буду школу посещать.
Мне до этого немножко
Остаётся подождать.
А пока что рано утром
В школу ходит старший брат,
Ну а я с сестрёнкой младшей
Отправляюсь в детский сад.

В часы досуга

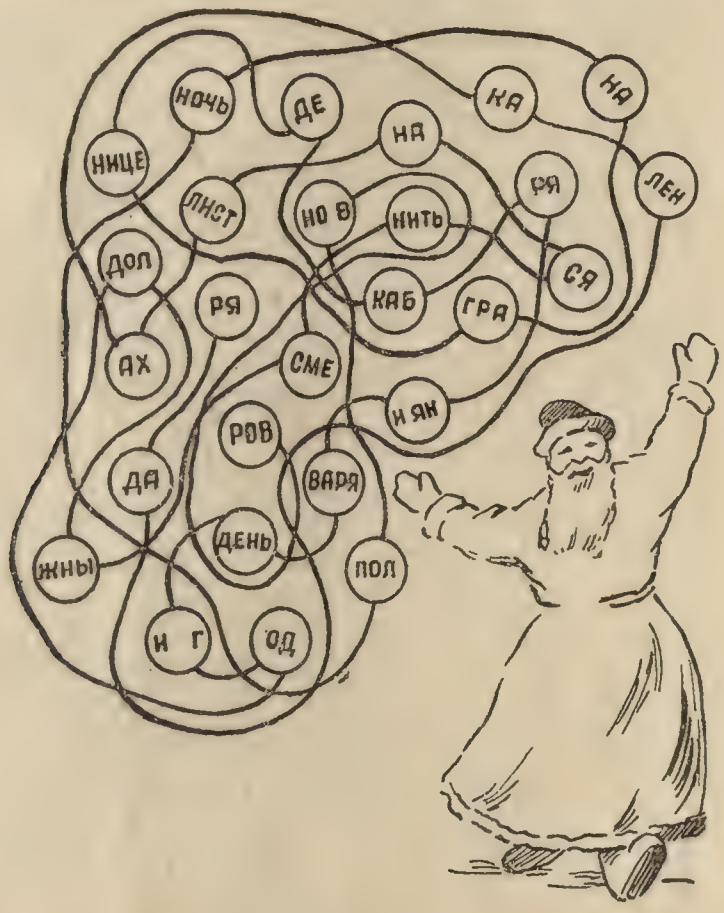
КАК СОСТАВИТЬ ВАГОНЫ?

Сумейте правильно составить вагоны, стоящие на путях, и вы прочтёте куплет из новогодней песенки.



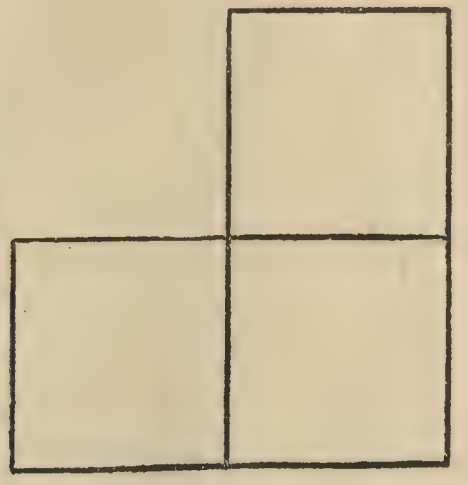
ГОЛОВОЛОМКА „ШАРЫ“

Найдите шар, с которого нужно начинать (от него идёт только одна линия), и при помощи линий, соединяющих шары, прочтите отрывок из новогоднего стихотворения С. Я. Маршака.



НЕ ОТРЫВАЯ КАРАНДАША

Проведите три прямые линии, которые разделят эту фигуру на шесть частей (можно выводить линии за пределы фигуры).



КРИПТОГРАММА

Чтобы расшифровать эту криптограмму (шифрованное письмо), нужно отгадать слова, значение которых указано ниже, и буквы поставить под цифрами. Потом следует заменить буквами соответствующие цифры в клетках, и тогда слева направо (начиная с верхней строки) вы прочтёте текст.

1) 6. 13. 20. 7. 15. 11. 2. 21. 23.— цветок из семейства сложноцветных.

2) 13. 8. 11. 3. — бахчёвая культура.

3) 9. 19. 4. 22.— традиционный сбор пионеров.

4) 9. 10. 5. 14. 15.— чертёж.

5) 11. 6. 2. 18.— часть суток.

6) 7. 5. 12. 1. 15.— приспособление для рыбной ловли.

7) 16. 8. 12. 5. 17.— сорная трава.

8) 24. 19. 15.— волчок.

9) 25. 6. 19.— футбольный термин.

ОТВЕТЫ

Как составить вагоны?

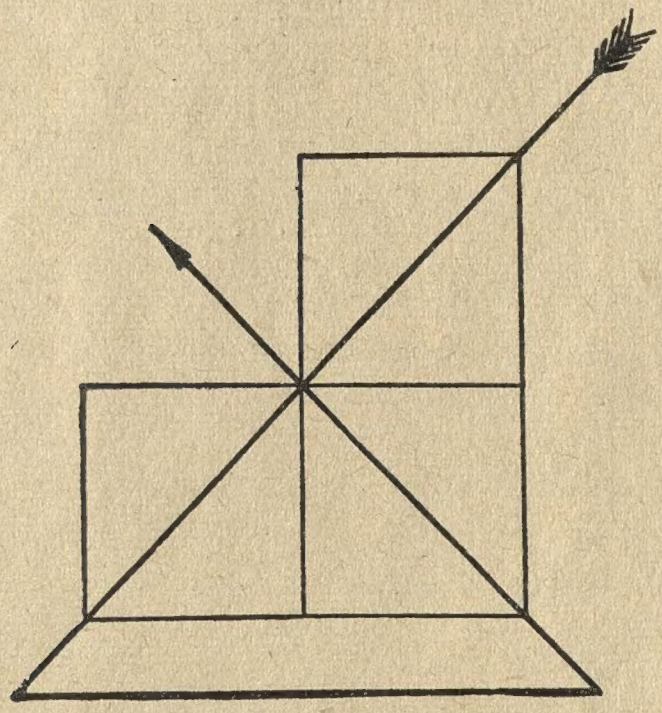
В эту ночь ясней и краше
Звёзд хрустальный хоровод.
Звонче бьётся сердце наше,
Мы встречаем Новый год.

Головоломка «Шары»

Начав с шара со словом «р о в», вы прочтёте:

Ровно в полночь, на границе
Декабря и января,
День и год должны смениться
На листах календаря.

Не отрывая карандаша



Криптограмма

1) Одуванчик. 2) Дыня. 3) Слёт. 4) Схема. 5) Ночь. 6) Верша. 7) Пырей. 8) Юла. 9) Гол.

Мы встречаем Новый год,
Водим шумный хоровод,
Льются песни, слышен смех,
Наша ёлка лучше всех!

СОДЕРЖАНИЕ

Наша великая партия 3
Л. Сорокин, О самом дорогом, *поэма* 7
Ол. Коряков, Скульптура, *рассказ* 16
Кл. Рождественская, Страницы героической борьбы, *очерк* 21
И. Беляев, Над книгой Гайдара, *стихи* 30
И. Иванов, Гришкино ученье, *рассказ* 31
Г. Шумилов, Волк, *рассказ* 43
К. Никитенко, Случай в классе, *рассказ* 54
И. Беляев, Сбор лома, *стихи* 61
А. Новосельский, Странный орешек, *стихи* 62
Н. Павчинская, О ленивом братишке, *стихи* 69
П. Евладов, О том, как Топоров стал весел и здоров, *стихи* 71
Н. Садовый, Завтра, *стихи* 74
Н. Трубин, Где живут орлы, *рассказ* 76
В. Шустов, Шайтан-камень, *легенда* 90
Ф. Кислицын, Показывает Свердловск, *очерк* 93
И. Казанцева, В павильоне юннатов, *очерк* 101

Для малышей

Г. Шумилов, Котёнок, *рассказ* 108
Н. Павчинская, Хочу учиться, *стихи* 114

В часы досуга

Как составить вагоны, Головоломка «Шары», Не отрывая карандаша Криптограмма 116
Ответы 119

3 р. 40 к.

СВЕРДЛОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1956